ДАГЕСТАН

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

ЦЕНА – 40 р.

№11 (86)
НОЯБРЬ 2012

Как не повторить, что в октябре уже было сказано! Самая короткая, самая быстрая, долгожданная дорога через Гимринский тоннель в горную западную зону республики заработала. И как не напомнить еще раз параметры этого удивительного сооружения: длина – 4304 метра, ширина – 7 метров, высота – 5 метров, над головой – 830 метров толщи Гимринского хребта. Тоннель оснащен самым современным на уровне мировых стандартов оборудованием для его комфортной и безопасной эксплуатации. Что подчеркивали на торжествах по случаю его открытия Президент РД Магомедсалам Магомедов, вице-премьер Правительства РФ Александр Хлопонин, приветствуя гостей из соседних республик и благодаря строителей за самоотверженный труд. Есть путь в горы – самый, самый… Свершилось!

ГРАМОТА

Экономический университет – Варна (Болгария)
приносит наиболее сердечную благодарность

Далгату Ахмедханову

главному редактору журнала „Дагестан" за создание болгарско-лагестанских творческих коллективов и за утверждение сотрудничества между Экономическим университетом и университетами Республики Дагестан.

Варна,
Октябрь, 2012г.

проф. д-р Пламен Илиев
Ректор Экономического университета – Варна

Буквально перед сдачей этого номера в печать преподаватели болгарского вуза, о которых говорится в редакторской колонке справа, передали редакции этот скромный документ. Он настолько гармонично дополняет сказанное справа, что профессиональное чутье не позволяет это игнорировать. Дело, конечно, не в редакторе, а в тех, кто работает рядом с ним, и в тех, кто их читает. Слово – главное оружие журналиста, для общества же главное – результат его применения. А в редакторской копилке всевозможных грамот – теперь уже два удивительных документальных свидетельства материализации журналистского слова: содействие футбольной команде махачкалинцев завоеванию звания чемпиона России в 1967 году и утверждение деловых контактов в 2012-м вузов Дагестана и болгарского университета в Варне.

ПРИОРИТЕТЫ…

Впервые за свою более чем полувековую работу в журналистике решил отметить просчеты или удачи не других, а сказать несколько слов о тех, кто трудится рядом. Если же чуть иначе – о феномене нашего журнала. Те, кто работает рядом, напомнили мне об удивительном юбилейном годе (сам бы, наверное, не вспомнил), который скоро заканчивается. Удивителен он для нас тем, что уже 10 лет (с августа 2002 года) выходит журнал «Дагестан», лишенный почти всех творческих редакционных структур, без которых не могут существовать и не существуют любые печатные издания, мало-мальски достойные именоваться средствами массовой информации.

Да, тираж наш невелик (а у кого он велик?!), с газетами не соперничаем, но ведь выходил журнал поначалу в черно-белом варианте и всего 6 раз в год, а сейчас он цветной и ежемесячный. Произошло это по инициативе руководства республики. Медленно растет число подписчиков и розничная продажа… Но растет. И не только в республике, хотя в каталог российской прессы нас в Москве включать отказываются, мол, кто вас знает, сегодня вы выходите, а завтра... Люди вынуждены подписываться в самой редакции, а мы высылаем им журналы в конвертах. Даже Академиздат «Наука» в Москве прибегает к такому методу. Мы рады – нас читают.

Есть еще две акции журнала, которыми можно гордиться. Выиграв грант Президента РД в 2009 году, корреспонденты журнала выезжали на эти деньги в 10 разных субъектов РФ с заданием рассказать на его страницах о жизни дагестанских диаспор в этих регионах. Материалы эти печатались весь 2010 год. А вторая акция прошла в прошлом, 2011-м, году. После правительственного постановления о развитии туризма на Северном Кавказе в журнале появилась рубрика «Тема года». В каждом из девяти номеров подряд в прошлом году публиковались блоки из двух статей: одна – доцента Экономического университета в болгарском городе Варна, автора учебников по туризму для болгарских вузов, и вторая – дагестанского автора, ученого, практика, чиновника, каждый раз нового, по теме болгарской статьи.

Эта вторая акция, посвященная развитию туризма, привела к ошеломляющему результату. Разговоры – разговорами, а тут – конкретные дела. Состоялись три совместных конференции болгарского и дагестанских вузов по развитию туризма, 23 дагестанских преподавателя опубликовали свои материалы в болгарских изданиях, а три группы дагестанских студентов – одна в прошлом году и две в нынешнем – прошли свою летнюю практику по туризму в Болгарии. Более того, Дагестанский государственный институт народного хозяйства благодаря возникшим связям стал с нынешнего года готовить специалистов туристической отрасли. Есть договоры и с другими нашими вузами.

Все зависит от людей, их инициативы. Чутко реагируют на требования времени руководители ДГИНХа, Махачкалинского филиала Российского университета туризма и сервиса в Москве, ректорат Экономического университета в Варне, болгарский автор статей в журнале «Дагестан» доцент Татяна Христова, которая со своим коллегой Вилияном Крыстевым собирается приехать в октябре (пишу об этом 3 октября) в Махачкалу для чтения лекций. Честь им и хвала. И большое спасибо за внимание к нашей республике.

А то, с чего начал… Просчетов у нас тоже хватает. Надеюсь, больше административных (брр... не люблю это сферу), чем творческих. Однако не о них сейчас речь. Предполагаю, что мои коллеги, журналисты, большинство которых работает в других изданиях и ведомствах, но свою обязанность по совместительству ценят и, думаю, любят (несмотря на половинки окладов), надеялись, что энтузиазм нашей «усеченной» редакции будет замечен. Но разве в этом дело?! Главное – не терять позиций. И вас – наших читателей.

Далгат АХМЕДХАНОВ

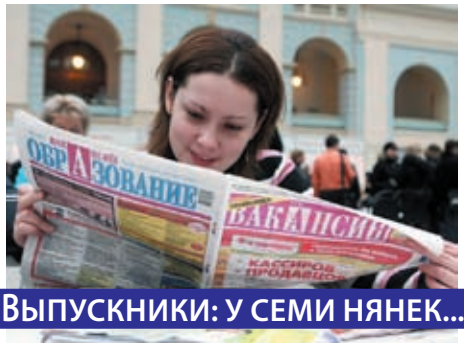
СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

Дагестанское золото российского фермерства 4

8 Производство баранины – на конвейер!

Возвращение в виноградный цех страны 10

12 ВТО – для нашего села



Выпускники: у семи нянек... 15

18 «Аланика» – территория культуры

Муртазали Гаджиев: «Дербенту – 2000 лет» 22

25 Взгляд земляка со стороны...

В Польшу – за новыми друзьями 28

Вспоминаю в год юбилея... 32

34 Долгая дума о Кавказе»

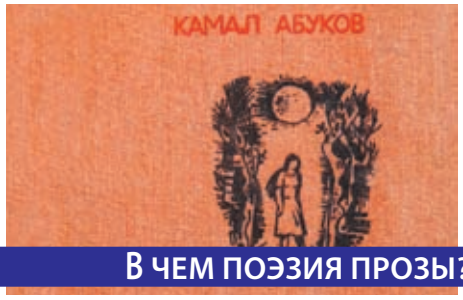
Заповеди Абидат 39

40 Этот вечный жанр

Тетя Катя... 42

46 Этого я и боялась...

Анжи – новая история!!! 49



52 В чем поэзия прозы?

Сбежавшее лето 56

57 Шанс

Андрей МЕЛАМЕДОВ

Дагестанское золото российского фермерства

В республике, по данным министерства сельского хозяйства, зарегистрировано более 40 тысяч фермерских хозяйств. Реально работает лишь четверть из них, хотя в свое время более 40 тысяч человек получили земельные участки для организации собственного производства.

Почему же одни из них сумели организовать прибыльные производства, а другие прогорели? Ответ получил во время беседы с одним из самых успешных дагестанских фермеров **Магомедом АЛИБУЛАТОВЫМ**, руководителем КФХ «Азамат». По его мнению, у большинства дагестанских фермеров изначально были все необходимые условия для организации стабильных хозяйств – предприимчивость, умение работать на земле, устойчивый спрос на продукцию. Вот только большинство из них этими благоприятными факторами воспользоваться не смогли. А многие, может, и не захотели.

– Я считаю, – говорит Магомед, – что многим моим коллегам помешали два обстоятельства. Первое (и самое главное) заключается в том, что у большинства фермеров «первой волны» отсутствовала культура работы с кредитными ресурсами. Попросту говоря, большинство наших фермеров (а именно они в свое время стали первыми клиентами Россельхозбанка) воспринимали кредит не как ресурс для развития производства, а как подарок. И вместо того, чтобы потратить его по назначению – купить трактор, семена, скот, саженцы, – строили дома, приобретали квартиры, машины, мебель. И в итоге оказывались в многолетней кредитной кабале без надежды на развитие. Земля при этом практически не использовалась.

Вторая проблема тоже внутренняя и связана она с использованием наемного труда. Дело в том, что на определенном этапе развития (это неизбежно) семья фермера перестает справляться со все возрастающими объемами работы. И начинает приглашать работников со стороны. Как правило, сетуя при этом, что добросовестных работников сегодня днем с огнем не найти, что «наемники» работают спустя рукава, да при этом еще и приворовывают при случае. В результате фермер нерадивых работников рассчитывает и нанимает новых. Которые работают еще хуже, а воруют еще больше (как правило, наемные сельхозрабочие кочуют от одного фермера к другому, все более и более проникаясь философией временщика).

Между тем есть простые методы, позволяющие из любого человека сделать преданного помощника, грамотного работника, заинтересованного в результатах своего труда. Придуманы они не мной. Расскажу о том, как я пришел в сельское хозяйство. Хотя я родился в семье сельского ветврача, образование получил совсем «непрофильное» – окончил филологический факультет ДГУ. И получил направление в Миусишинскую сельскую школу родного Дахадаевского района, где около трех лет проработал учителем вместе с супругой (она тоже выпускница филфака).

В какой-то момент понял, что если хочу чего-то добиться, необходимо полностью поменять

свою жизнь. И уехал в Калмыкию работать чабаном. Работу эту я знал (семья у нас большая, двенадцать братьев и сестер, так что скота мы всегда держали много, иначе бы не выжили). Проработал пять лет и в 1988 году вернулся в Дагестан. И вот теперь подхожу к самому главному, к тому, из-за чего я и вспомнил свою калмыцкую чабанскую эпопею. Тогда я отчетливо понял, как грамотно строить отношения с наемными работниками. Дело в том, что чабанам в те годы платили мало (я получал вдвое меньше, чем в школе), но зато позволяли держать в общественной отаре собственный скот. Это был мощнейший стимул к ударной работе – богатеет хозяйство, богатеешь и ты. И наоборот. В общем, к концу пятого года работы в Калмыкии мое личное стадо насчитывало 1500 голов овец и более 50 голов крупного рогатого скота – достаточный капитал для открытия собственного дела (к этому времени в стране как раз началась перестройка). «Довеском» к этому капиталу было понимание того, что наемного работника необходимо превращать в компаньона, только тогда отдача от него будет стопроцентной.

Забегая вперед, скажу, что все мои работники (сегодня рядом со мной постоянно трудятся 14 человек), помимо достойной зарплаты, получают право держать в моем стаде личный скот. Кроме того, на днях я сдаю «под ключ» двухэтажный 10-квартирный дом для своих рабочих. Квартиры в нем двухкомнатные, в каждой есть ванна и кухня. Плюс ко всему прекрасный вид из окон на склоны Тарки-Тау. Коммунальные услуги буду оплачивать из своего кармана. И скажите начистоту, кто будет работать лучше – «временщик», думающий лишь о том, чтобы отработать день и получить свои деньги, или человек, которого я сознательно превратил в своего компаньона…

После Калмыкии Алибулатов занимался заготовкой кожсырья для турецких заводов. Зарабатывал достойно, вот только удовлетворения от работы не испытывал. Все чаще и чаще задумывался об организации собственного дела. Которому мог бы посвятить всего себя без остатка. В 1998 году он, наконец, решился. Обратился в администрацию Махачкалы с просьбой выделить ему заброшенные земли на окраине Ленинкента. И в скором времени стал хозяином четырех гектаров земли.

Правда, в реальности этих гектаров оказалось чуть больше трех – по краю выделенного участка проходил глубокий ров, огороженный высоким

Дом для рабочих

валом. Как оказалось, это был след Великой Отечественной войны – в этом месте были построены оборонительные сооружения на случай, если фашистам удастся прорваться в Дагестан. Чтобы подготовить землю под строительство (в этом месте Алибулатов планировал возвести несколько животноводческих ферм), Магомеду пришлось изрядно потрудиться. Впоследствии он подсчитал, что для выравнивания участка с него понадобилось вывезти около 2700 «камазов» земли.

Много времени и средств потратил фермер и на прокладку водопровода к своему участку – как известно, без воды сельхозпроизводство невозможно. Сначала проложил трубы от асфальтового завода на окраине Махачкалы, но эта идея себя не оправдала – давление в них оказалось значительно ниже нормы. Тогда Алибулатов на свой страх и риск (времена тогда стояли лихие) врезался в Миатлинский водовод, проходящий рядом с его участком. А чуть позже (в это время Магомед как раз срывал вал, проходящий по его участку), он неожиданно откопал подземный источник. Как рачительный хозяин, он сразу же забетонировал огромный резервуар, и сегодня у него есть собственное озеро.

На двух гектарах, прилегающих к трассе, он разбил сад. Посадил абрикосы и черешню. Чуть ближе к горам заложил виноградники, занявшие около полутора гектара. Завел 15 коров и около 800 голов овец и коз, поскольку к территории хозяйства вплотную прилегают лесные массивы и пастбища. И начал готовить проект строительства козьей фермы, поскольку уже давно мечтал выйти на республиканский рынок с нестандартной

продукцией – козьим молоком и сыром. Тут Магомеду, прямо скажем, повезло. Как раз в это время министерство экономики республики объявило конкурс на лучший инвестиционный проект. Алибулатов решил принять в нем участие и неожиданно для себя оказался победителем. В качестве приза ему выделили кредит на два года.

«Было трудно, – рассказывает Алибулатов, – но помогла поддержка администрации Махачкалы, помощь Саида Джапаровича, который много сделал для развития и расширения производства».

Сегодня козье стадо Алибулатова насчитывает около 600 голов. Первоначально он отправлял козье молоко на махачкалинский рынок, где оно пользовалось большим спросом. Но потом от этой идеи пришлось отказаться – продавцы на рынке начали разбавлять козье молоко коровьим, а то и просто водой из-под крана. И чтобы не терять марку в хозяйстве решили все козье молоко направлять на производство сыра. Сегодня эта продукция Алибулатова востребована не только в Дагестане, но и далеко за его пределами. Однако от идеи продажи козьего молока фермер не отказался. Недавно он закупил итальянское оборудование, позволяющее разливать козье молоко в литровые и пол-литровые бутылки. Он уверен, что эта продукция в Махачкале будет востребована, поскольку козье молоко – это готовое природное лекарство от пневмонии, туберкулеза, астмы и еще множества серьезных заболеваний. В успехе Магомед не сомневается. «Простая математика, – говорит он, – сегодня в супермаркетах литр козьего молока стоит от 180 до 200 рублей. Я же намерен продавать его значительно дешевле – от 100 до 130 рублей за литр».

Через три года после посадки сад Алибулатова начал активно плодоносить. Началась отгрузка на рынок и первых тонн собственного винограда. Полученная прибыль сразу же вкладывалась в производство. В скором времени рядов с козьей появились овцеферма, молочно-товарная ферма, откормочный комплекс, кормоцех. Свободных денег катастрофически не хватало и фермер начал активно сотрудничать с Россельхозбанком. На сегодняшний день Алибулатов взял в этом банке уже шесть кредитов, каждый из которых погасил досрочно. За что и получил почетное звание «Надежный клиент», которое, помимо всего прочего, позволяет ему без всякой очереди обращаться в Россельхозбанк за очередным траншем. «По существу, – рассказывает Магомед, – сегодня для меня в этом банке открыта кредитная линия. И если мне понадобятся средства для дальнейшего развития, я их получу без всяких проволочек».

С развитием дела у Алибулатова обстоят более чем нормально. Фермер практически не стоит на месте, ежегодно увеличивая объемы производимой продукции. Сегодня в его хозяйстве помимо коз содержится около 2000 овец, 400 голов крупного рогатого скота, поставленного на откорм. А поскольку процесс откорма занимает около четырех с половиной месяцев, за год Алибулатов откармливает более тысячи голов крупного рогатого скота. Это позволяет ему ежегодно производить более 200 тонн мяса, около 150 тонн молока и около двух тонн шерсти.

Кроме производства своей продукции КФХ «Азамат» занимается закупкой, доращиванием, убоем и реализацией крупного и мелкого рогатого скота. Только в минувшем году «Азамат» выплатил государству 411 тысяч рублей в виде сельхозналога.

Естественно, такая активность фермера не осталась незамеченной. В 2007 году ему было присвоено звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Республики Дагестан», он стал лауреатом проекта партии «Единая Россия» – «Профессиональная команда страны». Кроме того, Алибулатов неоднократно награждался почетными грамотами Российской Федерации, Минсельхоза Калмыкии, Республики Дагестан и администрации города Махачкалы. В 2011 году ему присвоено звание «Почетный работник АПК России».

В конце августа этого года Магомед принял участие в двадцать первой международной ярмарке «Агрорусь», проходящей в Санкт-Петербурге. В официальной церемонии приняли участие Президент РД Магомедсалам Магомедов, министр сельского хозяйства Дагестана Сатмар Амиров. Алибулатов, единственный из представителей Дагестана, завоевал на ней золотую медаль в номинации «Лучшее крестьянско-фермерское хозяйство России». Надо сказать, что это «золото» у Алибулатова далеко не первое. Он постоянный участник выставки «Золотая осень» и с каждой из них неизменно возвращается с медалью. А то и с тремя (по итогам 2010 года, к примеру, он завоевал 2 золотых и одну серебряную медаль).

Руководитель КФХ «Азамат» избирался делегатом восьми съездов АККОР от дагестанских фермеров. 1–2 марта 2011 года в Тамбове проходил 22 съезд АККОР. На нем Алибулатова избрали в президиум, где также присутствовал Владимир Путин, который после завершения съезда общался с членами президиума. Чуть позже, в Москве, на выставке «Золотая осень 2011», Магомед в числе лучших аграриев страны был приглашен в Кремлевский дворец съездов на встречу с первыми лицами государства. Именно тогда все таблоиды опубликовали высказывание Путина, который, увидев Алибулатова, сказал: «А этот человек мне знаком».

Награды КФХ «Азамат» сегодня занимают не одну полку в серванте. Но по количеству полученных медалей он все равно проигрывает своим трем сыновьям, Азамату, Казбеку и Артуру. Разносторонние спортсмены, они неоднократно становились чемпионами России и Европы по различным единоборствам. А младший, Артур, уже трижды завоевывал золотую медаль на чемпионате мира по восточным единоборствам. В итоге под награды сыновей Магомеду пришлось выделить отдельный сервант. В этом году свой вклад в «детскую копилку» наград внесла и дочь, окончившая с золотой медалью махачкалинскую гимназию № 35.

Воспитанием детей Алибулатов занимается очень серьезно, поскольку уверен, что всякий раскол в обществе напрямую связан с недоработками в семейном воспитании. Об этом он не раз и не два говорил на заседаниях Общественной палаты Дагестана, членом которой является уже не первый год. Он и вошел в нее, обеспокоенный негативными процессами, происходящими в обществе.

Разговаривая с Алибулатовым, задал ему вопрос, занимающий меня не первый год. С одной стороны, руководители российского агропрома стараются убедить общество в том, что сельское хозяйство изначально является дотационной отраслью, и без помощи государства не выживет. С другой – в последнее время публикуется все больше данных о том, что сельское хозяйство за границей давно уже превратилось в высокорентабельное производство, при котором каждый гектар в среднем приносит в год около 30 тысяч долларов прибыли.

«В сельском хозяйстве, – ответил мне на это Магомед, – по большому счету, убыточных отраслей нет. Тем более что государством приняты реальные программы развития АПК, которые успешно претворяются в жизнь. Это и льготные кредиты «Россельхозбанка», и различные субсидии, и возможность использования лизинговой политики. Хорошо работают такие программы как «Семейная животноводческая ферма», «Поддержка начинающих фермеров». Так что успеха на этом поприще добиться можно. Надо лишь поменять отношение к сельскохозяйственному производству, к земле. Внедрять новейшие технологии, заниматься не только производством, но и глубокой переработкой продукции, грамотно работать с кадрами. А главное жить в мире и согласии. И тогда мы, уверен, получим не только 30 тысяч долларов с гектара, а намного больше».

Шигабудин АЛИХМАЕВ

Производство баранины – на конвейер!

В четвертом номере журнала «Дагестан» за этот год напечатана беседа с ученым-овцеводом Рамизом Велибековым. Затронутая в ней проблема очень актуальна. Сейчас овцеводство республики как бы на старте. Необходимо определить направление дальнейшего развития: по старому ли пути, что давно осточертело – перегонять стада на огромные расстояния к зиме на равнинные кутаны, а к лету в горы – или придумать что-то альтернативное. Казалось бы, выхода нет. Но вот, оказывается, Велибекову есть что предложить. Представить Дагестан без овец немыслимо, но доводить их число до пяти-шести миллионов, хотя и желательно, но очень накладно, да и не совсем это рентабельно. Цель ведь не в том, чтобы увеличить поголовье. И Велибеков предлагает метод, при котором уменьшается число овец и при этом увеличивается выход мяса. Похоже на сказку, но это более чем реально и может стать настоящей альтернативой злополучному перегону. И я в лице Велибекова решительно поддерживаю наших ученых. Молодцы!

Год в умеренных широтах делится на два сезона: теплый – летний и зимний – холодный.

Весь живой и растительный мир приноровился максимально использовать себе во благо теплое время. И человек – не исключение. На то он и человек, чтобы находить еще неиспользованные резервы для увеличения для себя комфорта и продукта. И вот ученые предлагают заниматься не вообще разведением овец, а содержанием именно классных овцематок. И действительно – зачем содержать зимой огромные отары, состоящие из маток, ярок, баранчиков и взрослых баранов, да еще ягнят нового поколения, что мы обычно и делаем. Ведь зимой нагул веса у них мал и содержание их приносит только убыток. Поэтому на зиму надо оставлять только необходимое количество хороших маток и небольшое количество молоди на ремонт отар. Остальных надо сдавать перед холодами на бойню. И все ресурсы, что пошли бы зимой на содержание ягнят, ярок и баранчиков, лучше направлять на улучшение условий содержания овцематок.

Ясно, что это приведет к постоянному улучшению и оздоровлению маточных отар. Здоровые овцы будут рожать здоровых ягнят с высокой приживаемостью и небывалыми привесами. Увеличится и получение мяса, повысится и его качество: количество явно перейдет в качество. Действительно, стоит ли всю зиму содержать и молодь? Нагул веса ею тоже по-настоящему начнется только весной, но к тому времени появится уже поколение новорожденных ягнят, которое будет расти более интенсивно, чем прошлогоднее, оно больше и быстрее наберет вес. Значит, возня с прошлогодней молодью, мы видим, явно убыточна. Поэтому еще перед холодами эту молодь целесообразно, как предлагают ученые, забивать.

Вот так – ежегодно забивая молодь в конце осени, – мы уменьшаем количество овец, увеличиваем маточное поголовье в отарах и доводим, как предлагает Велибеков, его до 80 процентов от общего числа голов. Не уменьшится при этом и количество новорожденных ягнят, которое будем

получать ежегодно. В итоге, обходясь вдвое меньшим количеством овец, мы будем выращивать ничуть не меньше мяса. Велибеков замечает, что уменьшение количества овец для нас не популярно. Но почему? Ведь при этом увеличивается и получение мяса и не выбиваются пастбища! Вопрос этот следует со всех сторон обсудить, и решение обнародовать как можно скорее. Потому что новый метод позволит нам двигаться в этом направлении и дальше.

Пик нагула у ягнят обычно приходится на конец второго месяца. Дальше пойдет постепенное уменьшение суточного привеса, даже если их и не отделять от маток. При отъеме же их от маток нагул уменьшается резко, и в разы. Потому ягнят выгодно забивать на пике их нагула, то есть в двухмесячном возрасте. В это время мясо ягнят – не мясо, а настоящий бальзам: вполне сформировались вкус, аромат и все шашлычные признаки, поскольку уже поедено много разной зелени, но вместе с тем сохранена и тончайшая нежность благодаря материнскому молоку, которое они еще получают вдоволь. Забиваемое в это время каждое животное дает от 10 кг мяса, мягкую, нежную и очень красивую шкурку. Ягнят мартовского окота забивают в конце мая. В июне маткам дают отдохнуть в оптимальных условиях. В это время наверняка их придется доить в той мере, какая будет необходима, чтобы вымя не портилось от молока. Вот вам и сыр, что сегодня дороже самого мяса. Теперь после первого окота овцы оплодотворяются и через пять месяцев последует новый окот, а потом – через два месяца – новый забой ягнят. Вот вам и конвейерный способ выращивания мяса.

Скажите, что же здесь невозможного и нереального? И только тот, кто на себе испытал все тяготы этого перегонно-отгонного труда в овцеводстве, поймет, какие блага сулит новый метод. Приглашаю и ученых и практиков-овцеводов, и фермеров, и чиновников, занятых в этой отрасли, и региональных и федеральных министров на годекан в наш журнал «Дагестан» для обсуждения этой проблемы и выработки решения. Ясно же видно, что республика имеет возможность выращивать баранину-ягнятину высшей категории по уплотненному графику и конвейерным способом. И при этом получим возможность еще раз уменьшить количество животных – ведь и овцематок тоже уже потребуется намного меньше. И тогда весь конвейер выращивания баранины разместится в горах на малых площадях.

И еще одно важное обстоятельство: мясо, выращенное в горных условиях, намного вкуснее и становится самым, может быть, конкурентоспособным в мире. И тогда выражение «кавказская ягнятина» войдет в обиход на мировых рынках. Удачи всем нам на годекане. И прекратится тогда этот злополучный перегон и вся равнина достанется крупному скоту, увеличатся надои молока, производство сыра, а сметана в республике станет более доступной, более качественной, вкусной. Предлагаю по достоинству оценить Велибековский метод выращивания овец – забивать семимесячных животных. Вместе с тем предлагаю начать изучение и конвейерного способа, забивая и двухмесячных ягнят.

Предлагаю и Велибекову немного подкорректировать свой метод. Сегодня в горных районах есть реальные условия для постепенного перехода к оседлому содержанию отар. Сегодня в них уменьшилось и продолжает уменьшаться количество личного скота, пустуют вокруг сел и хуторов большие террасные территории, что прежде кормили людей хлебом, а скотину – сеном да соломой. Они с лихвой прокормят и необходимое нам число овцематок. Они особенно урожайны под рожью и овсом. На большей части – даже половине – этих террас можно заготавливать сено техникой.

В селах и хуторах сегодня пустуют помещения, где колхозы и совхозы раньше содержали скот, они, конечно, нуждаются в ремонте. Велибекову импонируют фермеры – и это понятно. Они истинные хозяева, не рвачи. Им по душе – разумный крестьянский труд. При перемещении основного овцеводства в горные районы на оседлость, оно окажется именно в руках фермеров. Как говорится – бог им в помощь.

Гази ГАСАЙНИЕВ

Возвращение в виноградный цех страны

Не хочу восхищаться тем, во что уверовал почти на все сто процентов. Но уж очень хочется, чтобы так оно и было…

Эта вера укрепилась после того, как в республике побывал министр сельского хозяйства России Николай Федоров. Он провел в Дербенте совещание, на котором речь шла о том, что нужно сделать, чтобы возродить отрасль. Чтобы Дагестан, как и прежде, называли винным цехом России. До Федорова ни один федеральный министр так глубоко в проблемы виноградарства и виноделия не вникал. Во всяком случае реальных шагов в этом направлении не предпринимал.

На совещании в Дербенте подчеркивалось: после вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) создаются весьма неблагоприятные условия для нашей республики и для других регионов СКФО в плане дальнейшего развития виноградарства и виноделия. Сегодня в странах Евросоюза имеются значительные излишки продукции виноградарства, которые скоро «потекут» на рынки России. Кроме того, быстрыми темпами развивается эта отрасль у наших соседей – в Турции, Иране, да и в Китае тоже. А с ними конкурировать будет ох как тяжело.

Все это заставляет думать не только о наращивании производства винограда, но и о конкурентоспособности продукции и интеграции ее в российский и мировой рынки. Озабоченность в этом плане проявляет и представительство Президента РФ в СКФО, которое уже провело несколько (одно из них – в Махачкале) заседаний комиссии по реализации государственной политики в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Какова же сегодня ситуация в республике с виноградарством и виноделием? По словам председателя Комитета по виноградарству и регулированию алкогольного рынка РД Мухтара Халалмагомедова, на начало 2012 года общая площадь виноградников в республике составляет 22731 га. Занимая меньше одного процента площадей сельхозугодий, виноградарство приносит в бюджет более 10% налоговых поступлений. Только за прошедший год в бюджеты разных уровней уплачено более 2,5 миллиарда рублей. Казалось бы, эту высокодоходную отрасль нужно развивать. С этим никто и не спорит – ее развитию в стратегии социально-экономического развития республики на период до 2025 года отведено достойное место. Кроме того, есть еще и республиканская целевая программа (РЦП) «Развитие виноградарства и виноделия в Республике Дагестан на 2011–2020 годы».

В развитии этой отрасли определенную заинтересованность выказывает и федеральная власть. В бюджете страны в этом году только на субсидирование части затрат на закладку и уход за виноградниками предусмотрено 400 миллионов рублей, из которых чуть ли не половина (147,6 млн.) приходится на Дагестан.

Но, как обычно, гладко все только на бумаге. Из предусмотренных РЦП на прошлый год 808 миллионов бюджетных рублей фактически профинансировано менее 250 миллионов. Но при этом посажено молодых виноградников на площади

1485 гектаров, что составляет 135% от предусмотренного программой. Тут нет никакого парадокса – мэтры дагестанского виноделия (Дербентский коньячный комбинат, Дербентский завод игристых вин, Кизлярский коньячный завод) сами инвестируют закладку новых виноградников. По такому же пути пошли и менее знаменитые предприятия по производству алкогольной продукции, в частности, винзавод «Кристалл-Каспий», расположенный в Сергокале.

Что же мешает развитию виноградарства и виноделия? Участники совещания в Дербенте говорили о нескольких причинах. Первая – отсутствие нормального посадочного материала. Его завозили из Италии, Франции и других государств. Влетает это удовольствие в звонкую копеечку. Поэтому решено, что выгоднее саженцы прививать на месте. Первые шаги в этом направлении уже сделаны.

Вторая причина – отсталость в применении современных методов полива. Ситуация в решении этой проблемы меняется не такими быстрыми темпами, как бы того хотелось. В Сергокалинском районе для орошения виноградников при финансовой поддержке руководства «Дагвино», Дербентского коньячного завода и других инвесторов на поля проложен водовод от речки Гамри-озень стоимостью 30 миллионов рублей. Но и здесь не до конца решен вопрос о внедрении капельного орошения. Около 30 процентов виноградников в республике вообще не поливаются.

Третья причина – высокая доля нелегального оборота винодельческой продукции (более 33%). По данным статистики, фальсифицированная алкогольная продукция занимает 63% рынка. А по оценкам экспертов, цифра эта доходит и до 80%. То есть, каждые 8 из 10 бутылок вина по сути содержат разбавленный водой порошок. Понятно, что такое «вино» обходится на порядок дешевле, и конкурировать с такими «производителями» истинные виноделы не могут.

Следующая причина – административные барьеры. Тут и лицензии, и акцизные марки, и непомерный объем бумаг, необходимый для получения госпомощи и поддержки. Правила «игры» установлены федеральными органами власти, и производители просили федерального министра облегчить бремя административных барьеров.

Николай Федоров пообещал. Мало того, он рассказал о шагах, которые Минсельхоз России собирается предпринять для облегчения участи виноградарей и виноделов. Первый шаг – признать виноградное вино сельскохозяйственной продукцией. Это приведет к заметным экономическим изменениям – уменьшению налогов, акцизных платежей.

Второй шаг – предложено выдавать лицензии на производство вина крестьянско-фермерским хозяйствам. Самые знаменитые европейские винные бренды – это небольшие частные предприятия, большей частью семейные. Они столетиями тем и занимаются, что выращивают виноград, разливают вино. Почему-то наши крестьянские хозяйства лишены такой возможности.

Следующий шаг – это придание равноправия и мелкому землевладельцу или пользователю наравне с крупным. Если человек имеет или обрабатывает меньше 50 гектаров, с такой мелюзгой никто из чиновников и разговаривать не будет. Решено этот порог снизить до двух гектаров. Отныне, имея и такой участок виноградника, можно рассчитывать на субсидии и другие льготы.

И местные органы власти могут пойти на существенные изменения для облегчения участи виноградарей и виноделов. О них неоднократно говорил глава республики Магомедсалам Магомедов. В первую очередь, провести аудит всех земель сельхозназначения, чтобы изъять неэффективно используемые земли у нерачительного хозяина. Виноградарские ГУПы и МУПы, если работают нормально, могут остаться, но все дело в том, что многие из них работают из рук вон плохо. Следовательно, на их базе нужно создавать крестьянские хозяйства, СПК, ассоциации фермерских хозяйств. Но наиболее приемлемой для ученых и практиков представляется такая форма организации, когда вокруг крупных заводов переработки образуются агрохолдинги.

Республика имеет все природные условия и технологические возможности, чтобы занять достойное место на рынке России в реализации столового винограда круглый год. Научными учреждениями разработан виноградный конвейер, когда за счет подбора сортов различных сроков созревания можно в течение четырех месяцев реализовывать столовый виноград непосредственно с куста, а в остальное время – из виноградохранилищ. Технологии хранения винограда, в том числе в регулируемой газовой среде и за счет замораживания, у нас тоже разработаны и апробированы.

Джамалудин ДЖАМБУЛАЕВ

ВТО – ДЛЯ НАШЕГО СЕЛА

Произошло событие, которого граждане России ожидали много лет: большинство – с недоверием, меньшинство – с нетерпением. Но чтобы реально ощутить последствия этого шага, эксперты сходятся во мнении, что понадобится много лет. Произойдет это отчасти еще и потому, что процесс снижения таможенных пошлин на разные виды импортируемой продукции по времени растянется до семи лет.

Опасными конкурентными товарами считают дешевую европейскую говядину и курятину из США и Латинской Америки. Другие возражают, говоря, что дальнейшему развитию мясного скотоводства и птицеводства в нашей стране Всемирная торговая организация (ВТО) не помешает. Потому что в ходе переговоров по вступлению в эту организацию нам удалось отстоять квоты на ввоз говядины и мяса птицы (импорт не более десяти процентов).

Одни говорят, что проблемой наших крестьян может стать неравноправная конкуренция со стороны западных фермеров, которых солидно дотируют (в Японии и Финляндии, например, общая сумма субсидий составляет 70 процентов от стоимости производимой фермерами товарной продукции, в ЕС – около половины, в РФ – всего 3,5 процента). Приводят, кстати, примеры: после вступления в ВТО Чехия за один сезон потеряла картофелеводческую отрасль, так как из Франции клубней завезли много и в два раза дешевле.

Некоторые эксперты склонны считать, что в Россию завезут много дешевого риса, и считают это угрозой для возрождающейся в нашей стране отрасли. Профессор Алибек Аджиев утверждает, что в странах Евросоюза накопились большие излишки виноматериалов и продукции консервной промышленности, которые поступят в основном на наш рынок.

На другом полюсе известный российский политик Герман Греф, который, напротив, считает, что от вступления в ВТО «наибольший выигрыш получит сельское хозяйство, потому что сельская продукция у нас недотируемая и абсолютно конкурентоспособная. Но ее на сегодняшний день дискриминационными мерами не пускают на европейский рынок». Перекликается с его мнением такой прогноз экспертов: на ситуацию в растениеводстве нашей страны вступление в эту организацию негативного влияния не окажет, что обнадеживает и дагестанских садоводов и овощеводов.

Ясно одно: наших сельхозпроизводителей ожидает жесткая конкурентная борьба с коллегами, например, из такого аграрного гиганта, как Финляндия. В этом государстве около 70 тысяч фермерских хозяйств, с наделами от 50 до 76 гектаров каждое, занимаются они животноводством, картофелеводством, рыболовством, рыбоводством, тепличным производством и т.д. И развиваются столь успешно, что не только обеспечивают экологически чистыми продуктами питания собственное население (5,3 млн чел.), но и экспортируют.

Культура ведения хозяйства здесь высока. При выращивании сельхозкультур и даже корнеплодов и трав на поля вносят только органические удобрения. На каждое животное заводят биометрический паспорт и навигатор, в центр сбора информации стекаются данные о количестве всех животных, за здоровьем которых постоянно

наблюдают. Ни один фермер не зайдет в свой коровник без халата и одноразовых бахил (!). Очевидцами столь аккуратного ведения сельского хозяйства ежегодно становятся в основном агротуристы, ради обслуживания запросов которых в краю озер и лесов содержат 60 тысяч лошадей. Это один из наших конкурентов по ВТО.

Финляндия входит в число стран, в которых финансовые вложения государства в сельское хозяйство (выше упоминалось об этом) заметно превышают рыночную стоимость всей производимой продукции. В них внутренние цены на сельхозпродукцию поддерживаются регулированием квот, тарифов, налогов на экспорт и импорт. Его производителям компенсируются издержки на производство и использование удобрений, ядохимикатов, кормов, на пользование кредитами, страхование сельхозрисков.

Государство возмещает фермерам ущерб от стихийных бедствий, при реконструкции производства (выплат за вынужденный забой скота, сокращение посевной площади). Субсидируются рыночные программы по хранению продукции, по ее перевозкам, по возведению производственных помещений, осуществлению ирригационных проектов, по рекультивации земель и т.д.

Воцарившийся в нашей стране и республике беспредел по ценам на продукты питания не свойственен рыночным экономикам развитых стран. Там в оказываемой сельхозпроизводителям помощи наибольший удельный вес составляют средства на активное вмешательство государства в формирование и регулирование розничных цен. Система такова: устанавливаются верхний и нижний пределы колебаний и условная или целевая (которые в той же Финляндии Минсельхоз определяет ежегодно) цена, застрахованная поддержкой государства, В конце года фермерское хозяйство получает разницу между условной (целевой) ценой, устанавливаемой государством, и ценой реализации, если последняя ниже. Чтобы поддержать желаемый уровень цен, государство практикует также скупку или продажу (товарную интервенцию) нескоропортящейся продукции. Есть там и государственные закупочные организации.

Такова структура государственной поддержки аграрного сектора развитых стран, обеспечивающая им продовольственную безопасность. Хотя это, похоже, обременительно. В частности, в США планируются и осуществляются меры по снижению уровня бюджетной помощи аграрной сфере. Но с этими планами, похоже, не справляются.

Что касается нашей страны, то подобной развитым странам масштабной господдержки аграрной экономики, думается, вряд ли следует ожидать. Как следует из публикаций СМИ, договором о вступлении в ВТО РФ разрешено удвоить объем существующего уровня финансовой поддержки села с условием вернуться через пять-шесть лет к исходной цифре. И поскольку существующий в нашей стране уровень поддержки аграрного сектора экономики невелик (как было уже отмечено), то и его удвоение не поставит нашу аграрную отрасль в равные с конкурентами условия. Но и такая, не столь существенная, государственная помощь, как видно из опыта Дагестана, помогает аграриям ощутимо влиять на поступательное развитие отрасли.

К примеру, из федерального и республиканского (Дагестан) бюджетов из года в год субсидируется часть затрат земледельцев на приобретение элитных семян зерновых культур. Особенно внушительной эта помощь стала в канун начавшегося осеннего сева. Республика дает крестьянам по десять рублей – на компенсацию затрат на покупку каждого килограмма высококлассных семян, федеральный бюджет – еще по два рубля. Помощь составит на каждый килограмм семян по 12 рублей при их рыночной цене 16–18 рублей. Возмещается и половина взносов крестьян на страхование посевов.

По рису субсидируется не только часть затрат на семена, но и расходы на капитально-восстановительную планировку чеков. Начали компенсировать половину затрат на реконструкцию

внутрихозяйственных оросительных сетей, благодаря чему в ряде хозяйств эта работа активизировалась. Утвержденная Народным Собранием РД Программа по развитию садоводства на 2011–2016 годы тоже активизировала эту работу, потому что в Программе предусмотрено субсидирование части затрат на посадку и на уход за многолетними насаждениями. Особенно внушительна сумма государственной помощи за закладку и уход за интенсивными садами. Инициатива эта уже поддержана кайтагскими и шамильскими садоводами.

По количеству выращиваемых овощей мы – первый в России регион, теперь имеем шанс стать таким и по части качества продукции и высокой доходности. Основное внимание уделено развитию тепличных хозяйств. В это направление только в текущем году республика вкладывает десять миллионов рублей, федеральный бюджет – в три раза больше.

Программно-целевой подход к оказанию государственной помощи или, как ее назвал министр сельского хозяйства РД Сатмар Амиров, новая аграрная политика, утвердилась в последние годы не только в растениеводстве, но и в животноводческой отрасли Дагестана. Из полутора десятков работающих федеральных и республиканских целевых программ большая часть нацелена на увеличение производства говядины, баранины, мяса птицы, молока и т.д.

Программой развития отечественного овцеводства предусмотрена ежегодно 105-рублевая субсидия на каждую овцематку в сельхозпредприятиях (юридических лицах) всех форм собственности. Это существенная поддержка в условиях дешевизны шерсти и практики ведения отгонного животноводства. Участникам программы развития молочного и мясного животноводства, помимо прочего, субсидируется и половина затрат на приобретение современного оборудования для ферм, каждый килограмм произведенного, реализованного на молокозаводе молока, по 70 рублей на каждый килограмм живого веса купленного товарного скота и т.д.

На будущее намечено субсидировать приобретение хозяйствами племенного молодняка крупного рогатого скота, по молочной программе – возмещать часть затрат на строительство и реконструкцию животноводческих объектов.

Большое значение для Дагестана имеет программа по развитию производства и переработке яиц и мяса птицы. Поддерживал эту программу республиканский бюджет, а со времени приезда к нам Министра сельского хозяйства РФ Николая Федорова плечо подставил и федеральный бюджет.

Достаточно велики суммы кредитов, процентные ставки, по которым субсидирует государство. В 2011 году, например, их сумма превысила три с половиной миллиарда рублей. Из комплекса мер по поддержанию цен государство проводит зерновые интервенции. Перечень этих мер можно продолжить.

Читатель, наверное, заметил схожесть мер, предпринимаемых в нашей республике в русле новой аграрной политики, с теми, которые практикуются в целях поддержки агросектора в странах с развитой экономикой. С той лишь разницей, что у нас направляемые государством в помощь сельскому хозяйству суммы во много раз меньше, чем в странах Евросоюза, США или Канаде.

В текущем году завершается срок действия программы развития сельского хозяйства, Минсельхозом РД разработан и внесен проект нового документа на срок до 2020 года. Общий объем финансирования на восьмилетний период по Дагестану предусмотрен в 208 миллиардов рублей, из которых 23 процента поступят из федерального бюджета, 17 процентов – из республиканского. Кроме того, как сказал министр сельского хозяйства РД Сатмар Амиров, «в системе мер по смягчению последствий вступления в ВТО в России разрабатывается программа по поддержке территорий с неблагоприятными условиями для ведения сельского хозяйства, включая и горные земли».

Поможет ли это нашим аграриям выдержать натиск конкурентов-фермеров из других стран, покажет время.

Выпускники: у семи нянек...

Кафедра экономики и социологии труда Дагестанского государственного университета много лет сотрудничает с кафедрой экономики и управления персоналом экономического факультета Московского государственного университета. Дагестанские ученые принимали участие в разработке концепции человеческого развития по программе ООН, участвовали в ежегодных Ломоносовских чтениях, а в прошлом году совместно с москвичами подали грант в Международную Организацию Труда, которая серьезно заинтересовалась положением молодежи на Северном Кавказе. О вкладе дагестанских ученых в реализацию этого проекта рассказывает заместитель председателя Экономического совета при Президенте РД, профессор кафедры экономики и социологии труда ДГУ, кандидат экономических наук Фарида МИРЗАБАЛАЕВА.

– С чего же все началось?

– На первом этапе решили провести пилотное исследование в Дагестане. Работали за символическую оплату. Большую помощь нам оказали социологи под руководством доктора социологических наук, зав. лабораторией факультета социологии Алтайского государственного университета А. Мальцевой. Коллеги помогли в апробации методик, консультациями, чтобы в кратчайшие сроки проанализировать около тысячи анкет респондентов.

– Каков был их социальный состав?

– Полевое исследование было проведено с марта по апрель нынешнего года в нескольких регионах нашей республики и включало анкетирование школьников, студентов, молодых безработных – речь веду об учащихся общеобразовательных школ, слушателях выпускных курсов ПТУ и студентах вузов. Опрашивали не только в Махачкале, но и в Каспийске, Избербаше, Дербенте, сельских школах.

– И каковы результаты?

– Следует сказать, что молодежь продолжает получать в вузах и в их многочисленных филиалах, как правило, гуманитарное, не всегда высокого качества, образование. Обнаружен такой нюанс. У молодых людей создано неверное представление о конкурентоспособных, востребованных специальностях на рынке труда, которое совершенно неадекватно и асимметрично объективной информации. Следует подчеркнуть, что юноши и девушки встречают немало барьеров на рынке труда: нет взаимовыгодного сотрудничества с работодателями, не функционируют механизмы объективного найма молодежи, ярко выражен разрыв между притязаниями молодых людей и возможностями их удовлетворения.

– Нельзя ли привести конкретные примеры?

– Например, качеством полученного образования удовлетворены 91 процент школьников, в то же время с выбором будущей профессии за два месяца до сдачи ЕГЭ 13,8 процентов респондентов не определились. После окончания школы 74 процента выпускников предполагают поступить в вуз. По-прежнему, очень высока ориентация на получение высшего образования, в то время как среднее профессиональное звено выпадает из

области интересов школьников. В наибольшей степени на выбор профессии влияние оказали родители и родственники. Оно не всегда связано с оценкой перспектив трудоустройства или востребованности выбираемой специальности.

– А какие конкретно профессии привлекают особенно?

– Интересен такой факт: на вопрос о виде деятельности, которая интересует школьников, треть абитуриентов ответили – сфера управления, каждый четвертый – образование, каждый пятый – здравоохранение. К сожалению, школьники не ориентированы на работу в реальном секторе. Удивили ответы на вопрос об их планах по поводу продолжения учебы за пределами республики – 40,5 процентов ответили утвердительно. В случае непоступления в учебное заведение на бюджетной основе, 47 процентов респондентов предполагают обучаться на коммерческой основе, что предполагает дополнительные затраты на обучение, и почти половина потенциальных абитуриентов готовы их понести. К сведению: оплата обучения за год в среднем составляет 50–70 тыс рублей. После окончания учебы около 70 процентов школьников рассчитывают при трудоустройстве на помощь родителей, родственников, друзей, знакомых. Мол, родители влияют на выбор – вот пусть и устраивают! Приблизительно такова логика.

– А имеют ли респонденты представление о востребованных специальностях?

– Весьма смутное. Происходит путаница востребованных специальностей с престижными, не делается различий между национальным и региональным рынком. К сожалению, не в чести у молодежи специальности учителей, воспитателей, агрономов, социальных работников… К наиболее конкурентоспособным специальностям школьники относят юристов, экономистов, врачей, менеджеров, бухгалтеров, строителей, программистов, психологов. Наименее востребованными школьники считают профессии дворника, учителя, слесаря, уборщика, тракториста, чабана, реже встречаются в анкетах агрономы, маляры, инженеры, сантехники…

– А предлагают ли респонденты что-либо для улучшения качества образования, своего трудоустройства?

– К примеру, школьники предлагают отменить ЕГЭ, усилить борьбу с коррупцией, повысить заработную плату учителям, не допускать платного школьного образования, строительство и ремонт школ, в том числе спортивных, создание новых рабочих мест, обеспечение доступа в Интернет, усиление профориентационной работы, развитие специализированных школ.

– Что считают студенты наиболее важным при выборе специальности?

– В опросе приняли участие студенты ДГУ, ДГТУ, Дагсельхозакадемии, ПТУ №6 в Каспийске, ПТУ №17 и №21 в Махачкале… Наиболее важными были названы уровень заработной платы, желание быть полезным обществу, и, наконец, – возможность дальнейшего трудоустройства. Большинство считает, что навыки по будущей специальности будут приобретены в основном в процессе трудовой деятельности. Почти каждый 16-й не представляет, чем будет заниматься. Выпускники надеются, что работодатели

дадут им возможность приобрести опыт, наставники подучат. Но, придя на рынок, они ведь попадут в другую ситуацию. А на вопрос «Собираетесь ли вы вернуться работать в свое село, город после окончания учебы?» почти половина ответила отрицательно, чуть меньше трети собираются вернуться и почти столько же сомневаются в своем возвращении в родное село, город. А те 45,5 процента выпускников, которые уже решили не возвращаться, вероятнее всего попытаются найти работу в Махачкале или выехать за пределы республики. Причем каждый пятый выпускник рассчитывает на первоначальную зарплату более чем 20 тысяч рублей и при этом 70 процентов надеются на помощь родителей, родственников, друзей, знакомых.

– Выявил ли ваш опрос готовность переезда в другой регион (город, село), где есть вакансии по специальности?

– Чуть меньше половины готовы к такому переезду. Среди факторов, которые могут его сдерживать, названы личные обстоятельства – отсутствие опыта работы и конкурентоспособной специальности, предвзятое отношение к лицам кавказской национальности… Для улучшения перспектив трудоустройства выпускниками предлагаются создание дополнительных, рабочих мест, применение практики государственного заказа на подготовку специалистов, искоренение практики трудоустройства по национально-отраслевому признаку…

– А как обстоят дела с безработными?

– Мы опросили 307 безработных. Больше половины из них имеют высшее образование. Их заработная плата до потери работы составляла 9 тысяч рублей. На момент опроса среднедушевой доход на одного человека в семье составил чуть более 4 тысяч. Согласитесь, это очень сложная ситуация. При поиске работы на зарплату в пределах 5–10 тысяч рассчитывают около 8 процентов, от 20 тысяч – около 33 процентов. Абсолютное большинство безработных рассчитывают на зарплату выше, чем средняя по экономике республики. При поиске работы почти половина безработных предполагают трудоустроиться за 1–4 месяца.

Одним из каналов трудоустройства является самостоятельный поиск работы при обращении в отделы кадров. Мы попытались выявить причины отказа в трудоустройстве. Распределение ответов следующее: не подходила профессия или квалификация – почти 49 процентов, из-за возраста – почти 17 процентов, по национальному признаку – более 10 процентов, из-за семейного положения (наличия детей) – около 8 процентов. Интересно, что в республике, где преобладают жители сельских районов и преобладает именно сельская безработица, не считаются востребованными специальности агронома, ветеринара, тракториста…

– Что бы вы могли пожелать молодым, чтобы не ошибиться в выборе специальности?

– Прежде всего, озаботиться этим вопросом задолго до окончания школы. Необходимо пытаться выявить свои навыки, склонности, интересы. Не стоит перекладывать выбор на плечи родителей и близких. Знакомиться с мнениями студентов на интернет-форумах вузов, задавать им вопросы. И еще. Конечно, очень важно качество образования, получаемого в школах. Но без дополнительных самостоятельных усилий невозможно научиться чему-либо. Любой труд должен быть уважаем.

Беседовал
Эдуард ЭМИРОВ

Влада БЕСАРАБ

«Аланика» – территория культуры

Ежегодно, в августе, во Владикавказе проходит международный художественный симпозиум «Аланика», в котором, наряду с европейскими коллегами, непременно принимают участие дагестанские авторы. В течение нескольких недель художники живут эдакой коммуной, общаются и работают. По завершении симпозиума каждый должен представить на суд коллег и организаторов законченный проект согласно заданной теме.

В разные годы поработать на «Аланике» успели Ибрагим-Халил Супьянов, Зайнудин Исаев, Тагир Гапуров, Апанди Магомедов. В этом году участником симпозиума (наряду с последними двумя из вышеперечисленных) стал Тимур Мусаев-Каган. Всего же в «Аланике 2012» приняли участие 17 авторов из Германии, Испании, Нидерландов, Швеции, Украины. Россию, помимо дагестанцев, представляли также московские, питерские, калининградские, грозненские художники.

Во многом благодаря «Аланике», тому общению, творческим связям, которые завязались между художниками, кураторами, музейщиками, искусствоведами во время симпозиумов, а главное, тому всплеску активности, который появился у осетинских авторов, как хозяев мероприятия, в 2011 году во Владикавказе открылся Северо-Кавказский филиал Государственного центра современного искусства (ГЦСИ). Его специалисты вместе с коллегами Балтийского филиала (г. Калининград) стали организаторами нынешнего художественного форума. Мероприятие проходило при поддержке Министерства культуры России и непосредственном участии Министерства культуры и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания.

На первую «Аланику» шесть лет назад были приглашены авторы, работающие в основном в реалистической манере, – живописцы и скульпторы. Затем организаторы стали собирать и тех, кто исповедует и иные жанры; среди итоговых проектов появились не только картины и скульптуры, но и арт-объекты, звуковые и видеоинсталляции. К нынешнему, 6-му, симпозиуму, собственно картин, таких чтоб «холст-масло», уже не было. Участники, особенно европейцы, предпочитали работать с видео- и фотоизображением, а также с использованием современных материалов (различных видов пластика или искусственного камня), а также того, что можно найти буквально на ближайшей свалке или в лесу («Метафизическая голова» Тагира Гапурова тому пример).

Программа менялась из года в год: участников то забрасывали высоко в горы, в самые красивые уголки Осетии – Цей и Фиагдон, где каждый камень и тропинка имеют свою легенду, а количество исторических и археологических памятников, сосредоточенных на сравнительно небольшой территории, не удивляло разве что дагестанцев (в наших-то горах их не меньше). Художники оставались наедине с собой, друг с другом и природой, что, несомненно, влияло на творческий процесс. После того, как осетинскому министерству культуры и массовых коммуникаций было передано здание бывшего выставочного зала в самом центре Владикавказа, симпозиум стали проводить в городе.

Художникам предоставили студии в центре осетинской столицы и они волей-неволей стали ее частью: ходили по улицам, наблюдали за повседневной жизнью горожан, общались с ними в транспорте и магазинах. А жители Владикавказа получили возможность наблюдать за процессом создания произведений, высказывать свое мнение. Организаторам только это и надо было!

Publik-Art (букв. «общественное искусство», т.е. искусство, живущее в общественном пространстве и изменяющее его) стало не просто темой последнего симпозиума, но его целью.

Шагнув на улицы города, «Аланика», создававшаяся и существовавшая как мероприятие для узкого круга профессионалов, вышла на новый уровень. Произведения вне выставочных стен в живой городской среде зазвучали по-другому, а главное, обрели зрителей. Обитатели города – его коренные жители и гости, те, кто знает Владикавказ давно, и те, кто впервые его для себя открывает, постоянные посетители музеев и те, кто туда никогда не заглядывает, сторонники и противники современного искусства – ВСЕ оказались втянутыми в этот процесс! Заместитель министра культуры и массовых коммуникаций РСО-А Галина Тебиева, по долгу службы являющаяся одним из организаторов симпозиума, а по сути – его главный идейный вдохновитель и движущаяся сила, так сформулировала задачу «Аланики»: «Встроить в культурное пространство города актуальные художественные процессы, встроить тактично, воспитывая и образовывая горожанина, подвигая его не на агрессивный спор, а на дружеский диалог о современной культуре».

Что-то подобное Марат Гельман сотоварищи попытались проделать в Перми. Они буквально наводнили ничего не подозревающий город всевозможными инсталляциями, уличной графикой, скульптурой и т.д. Вся страна обсуждала гигантскую красную букву «П», зеленое яблоко из красного кирпича, надпись «Счастье не за горами» на берегу Камы и т. д. А вокруг «красных человечков», украсивших здание краевой Думы, разгорелся политический скандал. Ключевым пунктом предвыборной программы всех местных кандидатов на всех выборах стало обещание «убрать человечков». Оппозиционеры, в свою очередь, обещали человечков «вернуть».

Можно спорить по поводу каждого из тех пермских скандальных произведений, можно ругать проект «Пермь – культурная столица Европы» целиком, но, по большому счету, не важно, что станется с буквой «П» или человечками. Кстати, их автор Андрей Люблинский – участник «Аланики 2012» – говорит, что и не собирался ставить их в Перми или где бы то ни было на века. Ему интересна была сама идея и ее воплощение в разных формах – размере, материале и проч. Главное, что в Перми останутся дороги, парки, скамейки, здания, отремонтированные и построенные для фестивалей, выставок, спортивных соревнований и конференций, что были проведены в рамках превращения провинциального промышленного города в европейскую культурную столицу. Останутся деловые и дружеские связи, завязавшиеся между людьми. Останется опыт, который получили сотни, а то и тысячи молодых пермяков, работавших и помогавших в качестве волонтеров на тех же фестивалях. Наш журнал писал об этом в №8 (71) 2011 года.

Владикавказ, это, конечно, не Пермь, а кавказцы – не уральцы. В нашем регионе нельзя вот так взять и наводнить город приметами новых жанров. Тут жалобы никто писать не станет – снесут все к чертовой матери, не дожидаясь темноты. А то и сожгут. А то и вместе с авторами… Не случайно Галина Тебиева подчеркивает, что встраивать искусство в пространство города нужно «тактично». И еще, не забывая о традициях кавказских народов, опираясь на них, равно, как и на «советское» прошлое. Да-да, девушки с веслами и пионеры с горнами изначально задумывались как воплощение типических образов новой страны, отражавших перемены в жизни общества. Это

было столь же актуально и смело, как пресловутые красные человечки Люблинского. Другое дело, что со временем образ девушки с веслом устарел, истерся от частого употребления, опошлился, его бы сменить вовремя на что-то более современное…

Но вернемся к взаимодействию города и горожан с художниками во Владикавказе. Произведения, созданные участниками симпозиума, были вживлены в городской ландшафт – они стали частью парков и скверов, технических зданий, появились перед Театром оперы и балета, музеем, Научной библиотекой. Некоторые из них вскоре будут разобраны, иные останутся, если не навсегда, то надолго. Украсят ли они город, станут ли популярными у владикавказцев и гостей осетинской столицы – покажет время. Но еще на симпозиуме стало ясно, что художникам удалось поднять острые социальные и общественные проблемы. Так бывает, что именно человек со стороны способен углядеть то, что коренные жители не замечают, не ценят, не помнят.

В центре Владикавказа есть кинотеатр «Комсомолец». Когда-то очень популярный, сегодня он почти мертв – здание в аварийном состоянии, современной аппаратуры нет, конкуренции с новыми залами, их «3D», «звуком вокруг» и прочими эффектами он не выдерживает. Таких аварийных, умирающих клубов и залов в стране, конечно, много, но владикавказский «Комсомолец» – особенный. Это первое в России здание, построенное под кинотеатр, а не приспособленное под него. Вообще первый фирменный, скажу современным языком! Построенный больше 100 лет назад, при царском режиме, во времена, когда кино называли «синематографом», а на экране блистала Вера Холодная, и в углу зала сидел тапер… Немецкий художник Михаэль Грубер (арт-группа «Empfangshalle») снял об этом уникальном месте виодеролик. Его презентация состоялась в «Комсомольце», конечно же, в той его части, которая пока не обвалилась…

Тимур Мусаев-Каган обратил внимание на букву «Æ» употребляемую в Осетии. Именно с этой графемой – «самой осетинской из всех, что можно вообразить» (она имеет высокую частоту употребления), у художника ассоциировался осетинский язык, поэтому он решил увековечить ее как своеобразный символ самобытности письменной культуры осетин. «Я предполагал, что большие (от 1,5 до 2,5 м), разбросанные в разных частях города буквы Æ, станут своего рода пространственными вехами», – пишет автор. Но в процессе работы появились некоторые технические трудности, и в итоге установлена была лишь одна буква – она появилась на углу Научной библиотеки – лучше места, пожалуй, не придумаешь.

Еще одним достижением «Аланики 2012» можно считать форум «АРТ КАВКАЗ NEXT». В течение 10 дней молодые художники из Дагестана, Кабардино-Балкарии, Чечни, Ставропольского края прослушали курс лекций по актуальным проблемам современного искусства, арт-критике, дизайну, а также поработали в качестве волонтеров с художниками-участниками симпозиума. Дагестанская делегация тут оказалась самой представительной. Александр Сергеев, Закарья Закарьяев, Елена Джетере, Миро Каган (Гульмира Ибрагимова), Муса Гайворонский, Заира Магомедова, Халимат Саидудинова под руководством Дмитрия Пиликина (художник, куратор, критик, Санкт-Петербург) провели также «визуальное исследование» Владикавказа. «Я обнаружил здесь своеобразную культуру входных деревянных дверей и ворот, адресных знаков, решеток, скамеек, урн, фонарей, цветочных ваз, мемориальных досок, вывесок, граффити», – пишет Пиликин. Умение выделять и структурировать мелочи, замечать в них помимо утилитарного назначения некую художественную составляющую он считает важным для художника. Ведь именно эти мелочи и определяют лицо любого города. В процессе этой работы у наших художников родилось несколько собственных проектов, которые после окончательной доработки будут представлены зрителям уже дома, в Дагестане, в виде фото и видео-арта на II Северо-Кавказской биеннале современного искусства, которая состоится весной будущего года.

По словам комиссара биеннале, куратора, директора галереи современного искусства Дагестана «Первая галерея» Джамили Дагировой, участвовавшей в работе «Аланики» в качестве приглашенного гостя, тот факт, что известные дагестанские художники ежегодно приглашаются на симпозиум в Осетии, их искусство там знают и любят, безусловно, приятен. Но рано или поздно им на смену должно прийти новое поколение авторов, не менее талантливых, работоспособных, хорошо чувствующих последние тенденции, не теряя при этом собственного лица, поскольку планка задана очень высокая. То, что сразу столько молодых наших художников участвовало в этом форуме, бок о бок работали с мэтрами и вернулись переполненные информацией, идеями, энергией, вселяет уверенность, что смена будет достойной. Она также отметила, что по просьбам «молодежи» на биеннале будут приглашены известные кураторы, критики и художники, выступления которых на «Аланике» показались нашим слушателям наиболее интересными и полезными.

В заключение подчеркну, что «Аланика» проводится на бюджетные средства (хотя и с привлечением спонсоров), сама идея 6 лет назад пришла в голову тогдашнему председателю правительства Алании Николаю Хлынцову. То есть, чиновники высшего звена в соседней республике понимают значимость подобного мероприятия для общества, умеют из сотен художников, подающих заявки, выбрать тех, чье искусство действительно актуально, интересно, достойно быть представленным, доверяются специалистам-кураторам, разрабатывающим каждый раз новую программу – неоднозначную, порой провокационную, но этим и полезную. Как отмечает Галина Тебиева (заместитель министра культуры, напомню), организаторы прислушиваются к культурному процессу, происходящему в мире, стране, республике, а в мире сегодня востребовано современное искусство, способное конструктивно изменить городское пространство и делающее жителей участниками его преобразования.

Дагестанских художников на «Аланике» ценят. Их вообще везде ценят, кроме, как кажется, самого Дагестана. Потому что в Дагестане более ценными считаются спортсмены, а если какой культурный форум и задумывается, то все непременно скатывается к псевдофольклорным песням и пляскам в молью съеденных костюмах. Бюджет освоен, мероприятие проведено – галочка поставлена. Спорт – это прекрасно, но не спортом единым должен жить народ. Не все считают родную республику «Территорией АНЖИ»! На молодежный форум «Аланики» были приглашены также молодые журналисты, пишущие об искусстве. Если молодых художников рекомендовала «Первая галерея» – как крупнейшая и авторитетная институция в республике, занимающаяся современным искусством, то журналистов должны были отобрать наши чиновники. Комитет по делам молодежи РД делегировал двух барышень. Что они написали, где и когда, чтобы удостоиться такой чести, – никто не знает. Но зато они в комитетском списке вечных делегатов на все форумы. Разумеется, лекции были им неинтересны, волонтерская работа – тем более, одна уехала чуть ли не сразу после начала, другую видели лишь во время заезда и отъезда. А ведь можно было отдать приглашения на форум тем, кому они действительно были бы нужны.

Фото автора

Наида ХАСПУЛАТОВА

Муртазали Гаджиев: «Дербенту – 2000 лет»

В программах развития туризма Дербенту придается огромное значение. Самый древний город России каждый год посещает множество туристов. Хотя археологические раскопки идут здесь больше 40 лет, все тайны Дербента еще не раскрыты. Совсем недавно в связи с предстоящим юбилеем города говорили о его 5-тысячелетнем возрасте. С этим не согласился дагестанский ученый Муртазали ГАДЖИЕВ, чью позицию поддержала Российская Академия наук. Кстати, наш журнал в восьмом, августовском, номере за 2011 год в редакторской колонке на первой странице под заголовком «Что круче и что смешно» тоже выступил против попытки культа такой псевдодревности. А профессор Гаджиев всю жизнь посвятил археологическому изучению Дербента. С 1974 года он участвует в раскопках, с 1996 года возглавляет Дербентскую археологическую экспедицию. Исследовал крепость Нарын-Кала, старый Дербент, историческую округу города. Заведующий отделом археологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН Муртазали Гаджиев рассказал нашему корреспонденту о новых археологических открытиях, о том, почему он не согласен с версией о 5-тысячелетнем существовании города.

– Итак, что нового удалось обнаружить Дербентской экспедиции в этом году?

– В этом году она провела свой 42-й сезон. Был заложен новый раскоп на территории древнего поселения чуть южнее Нарын-Калы. Это поселение датируется первой половиной – серединой первого тысячелетия нашей эры и предшествовало крепости, которая была возведена в середине VI века. Общая площадь этого поселения еще точно не определена, но оно занимало примерно 10 гектаров. В 1960-х годах на его территории была высажена сосновая роща, при этом верхний слой древнего поселения был в значительной мере уничтожен. Были выявлены архитектурные комплексы, которые датируются IV–V веками. Особый интерес представляет обнаруженное крупное каменное основание – база колонны, которая свидетельствует о существовании в этом

поселении монументального здания. Назначение его мы пока определить не можем. Очень важно, что впервые в археологии Кавказа мы обнаружили на раскопе совершенную для своего времени большую двухъярусную гончарную печь. Подобная развитая технология гончарства характерна для городских поселений. Обнаружены также различные изделия из камня, кости, металла, бронзовые браслет и кольцо, керамические и каменные пряслица, костяные иглы. Остатки этого раннего городского поселения идентифицируются с известным населенным пунктом, которое у древних армянских и грузинских авторов фигурирует под именем Чор, у ранневизантийских – Тзур, Зуар, в сирийских источниках – Торайе, в арабских – Сул. Это древнее имя Дербента отложилось и в ряде дагестанских языков – Чурул, Чулли. По письменным источникам известно, что Чор был важным административно-политическим, торгово-экономическим, религиозно-идеологическим центром Восточного Кавказа.

– Как долго просуществовал Чор?

– Примерно шесть веков – с первого столетия до того времени, когда по повелению знаменитого шаха Хосрова Ануширвана были сооружены каменные стены Дербентского оборонительного комплекса. Это строительство было осуществлено в 568-569 годах нашей эры, что документально подтверждается одной из среднеперсидских пехлевийских надписей на северной стене, где сохранилась дата строительства. Со времени возведения каменных укреплений в VI веке город получил совершенно иное архитектурное оформление, сохранившееся до наших дней, – это цитадель и две городские стены, перегородившие проход между горами и морем. В городе были построены амбары, водохранилища. Горожане постепенно переселились в новый город, точнее в его верхнюю часть, именуемую ныне «магалы». Тогда же город получил и новое имя – Дербент, точнее Дарбанд – «связь, узел ворот». А древнее поселение было заброшено. В этом году мы совместно с сотрудниками Дербентского музея-заповедника впервые обследовали монументальное подземное водохранилище в старой части Дербента. Ведь традиционно мы проводим исследования не только в Дербенте, но и в его исторической округе.

– Что вас побудило не согласиться с утверждением, что Дербенту 5 тысяч лет, в прессе сообщалось, что вы говорили будто городу только 1450 лет?

– В ряде непрофессиональных публикаций в республиканских СМИ и у некоторых блогеров – горе-патриотов, прозвучали обвинения, что я значительно омолаживаю дату возникновения города. В этих утверждениях много лжи. Ни один из авторов этих публикаций со мной не говорил. Я же писал дословно, что «в 2018 году исполнится 1450 лет присвоения городу имени Дербент». Это было связано со строительством знаменитых каменных стен и цитадели в VI веке. В той же справке я писал, что в ходе раскопок «получены представительные археологические материалы, характеризующие разнообразные стороны жизни населения древнего города, возраст которого составляет около 2000 лет».

Главное в определении возраста населенного пункта – это хронологическая непрерывность и историческая преемственность его развития. Я считаю, что Дербент преемственно развивался как стационарный населенный пункт примерно с первого века нашей эры, и ему примерно 2 тысячи лет. Тому есть археологические доказательства.

– Откуда же появилось это утверждение, что городу 5 тысяч лет?

– Оно появилось в середине 1980-х годов, когда под руководством Александра Кудрявцева проводили исследования в Дербенте и было открыто поселение эпохи ранней бронзы. Затем появилась популярная книжечка-фотоальбом с броским названием «Дербенту – 5000 лет». Я тогда руководил раскопом, где было обнаружено древнейшее поселение в центре цитадели. Это были остатки трех полуземлянок, в которых были найдены обломки керамической посуды, каменный топор-молот и очажная подставка, которые обнаружил я собственноручно, другие предметы. Ориентировочный возраст этого поселения

по некоторым признакам лишь предполагался в пять тысяч лет, хотя радиоуглеродной датировки не было сделано. Это поселение просуществовало короткий промежуток времени – может быть 50-100 лет, и прекратило свое существование, поскольку здесь нет мощных, до нескольких метров, напластований. На протяжении последующих почти трех тысяч лет стационарного населенного пункта здесь не было. По крайней мере, мы не имеем доказательств его существования. Между поселением эпохи ранней бронзы и последующим поселением периода Кавказской Албании – хронологическая пропасть размером почти в 3000 лет! К примеру, на территории Москвы обнаружены поселения возрастом около четырех-пяти тысяч лет, но это не значит, что нашей столице 5000 лет. На территории Тбилиси давно открыты куро-аракские поселения возрастом 5000 и более лет, но грузины отмечают дату основания города царем Вахтангом Горгасали – 1500 лет. Подобных примеров не счесть. Но никто официально не отмечает столь «глубокие» юбилеи, потому что эти древние поселения не имеют исторической связи и преемственности с современными населенными пунктами.

Кстати, на заседаниях в Российской Академии наук в Москве в конце 2010 года Александр Кудрявцев и руководители администрации города пытались доказать, что Дербенту 5000 лет. Но все присутствовавшие ученые, известнейшие археологи, академики и члены-корреспонденты РАН, однозначно заявили, что никакой речи не может быть о 5000-летнем юбилее Дербента. К такому же выводу пришли и специальные комиссии Института археологии и Института востоковедения РАН, которые досконально изучали материалы многолетних раскопок в Дербенте. Были сделаны заключения о возможном 2000-летнем возрасте города, о чем я и говорил. Дербент, конечно, остается древнейшим городом России. Впоследствии в журнале «Медиа-профиль» (2011, № 2) и сам Александр Абакарович отказался от мысли о 5000-летнем юбилее Дербента, заявив в своем интервью, что «уместней и правильней говорить не о юбилее, а о 5-тысячелетии самой истории Дербента». Наука не стоит на месте, нет ничего зазорного в признании своих ошибок.

– На каком уровне Дербент сейчас исследован и реставрирован, и что необходимо в дальнейшем?

– Нельзя отрывать Нарын-Калу от Дербента – это единый комплекс. Не только цитадель, но и городские стены включены в список ЮНЕСКО. Государство взяло на себя перед мировым сообществом обязательства по охране этого уникального памятника мирового значения. Последняя крупная реставрация была проведена в 60-х годах прошлого века. Проводилась она с использованием железобетонной технологии. Я считаю, что на настоящий момент археологическое изучение Нарын-Калы проведено в достаточной мере при наших возможностях и необходимости сохранения культурного слоя. Мы имеем представление о хронологии и стратиграфии крепости. Дело в том, что Нарын-Кала как слоеный пирог – культурный слой здесь от 6 до 10 метров. Исследование всех этих слоев – долгий, трудный и затратный процесс. Малейшая неточность в раскопках ведет к потере информации. Раскопки за 40 лет позволили нам получить преставление о хронологии Дербента, выявили древние и внушительные средневековые напластования. Ведь раскопки не только дают информацию, но и ведут к разрушению культурного строя и архитектурных объектов. К сожалению, архитектура на глиняном растворе, и она сохраняется очень плохо, консервировать ее очень сложно, ведь только сами стены цитадели построены на известковом растворе. Сейчас археологические раскопки в цитадели проводить нет надобности. Как цитадель, так и оборонительные стены, древние ворота города требуют серьезной и профессиональной реставрации и консервации на современном технологическом уровне. Городские стены и ворота застраиваются, разрушаются, территория загаживается. Охранная зона не соблюдается. Эти проблемы надо срочно решать, пока не исключили Дербент из списка памятников ЮНЕСКО. И Дагестанскому отделению ЮНЕСКО надо подумать об этом.

Взгляд земляка со стороны...

Для выпускников Дагмединститута в советское время ежегодно проводилось распределение по рабочим местам. Это было весьма значительным событием с участием ректора, всех проректоров, декана, министра здравоохранения Дагестана, представителей министерств здравоохранения некоторых регионов России. Ректор ДГМИ, профессор М.М. Максудов спросил, где бы хотел работать я.

«Хотелось бы на Дальнем Востоке или в Сибири, но в списке их нет, – отвечал я. – Поэтому прошу распределить меня во Владимирскую область». Этот выбор мой был осознанным в знак благодарности русским учителям, которые приезжали работать в далекие наши аулы.

В эту область в тот год были направлены еще десять выпускников нашего института. И сегодня во Владимирской области главным врачом Вязниковской центральной районной больницы работает мой коллега, друг и сокурсник Миссирбег Сурхаев – Заслуженный врач РФ, кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Когда недавно мы встретились, состоялась у нас такая беседа.

– Каким в твоей памяти остался родной наш институт? – спросил я.

– Тогда в нем был один факультет – лечебный, на 200 человек. Поступать было сложно, конкурс был самый настоящий – 20 человек на место, но, к счастью, деньги тогда не курсировали по его коридорам. Хорошо помню первую лекцию по анатомии с перечислением десятков названий на латыни. Подумал, что не то учебное заведение выбрал. Позже выяснилось, что и остальные сокурсники так думали. Но надо было учиться, чтобы не было ни одной тройки, иначе мог остаться без стипендии, что равносильно отчислению из института – я ведь жил на одну стипендию. Вспоминаю с благодарностью наших преподавателей, кланяюсь им до земли за их труд, за знания, за воспитание, за бескорыстное служение своему делу! Храню в сердце пожизненно признательность незабвенному ректору института профессору Максудову за открытость, справедливую жесткость, железную дисциплину. Зато за 40 с лишним лет работы не было случая, чтобы мне стало стыдно перед больными, их родственниками, коллегами за себя и за институт, в котором я учился – за все время учебы я не получил ни одной тройки.

– Почему ты выбрал Владимирскую область?

– Назвать это осознанным решением не могу. Разговор шел о трех годах, которые мы обязаны были отработать по месту распределения. На мой взгляд, это была правильная политика в области использования врачебных кадров. Если бы государство не имело права направлять в горные районы Дагестана учителей и медиков, то многие аулы оказались бы без учителей и врачей. В тяжелейших бытовых условиях русские учителя, врачи, медицинские сестры и фельдшеры нас учили и лечили. При этом они проявляли

исключительное уважение и терпение к каждому из нас. К сожалению, новое поколение дагестанцев не знает и не понимает, что мы в неоплатном долгу перед русскими. Сегодняшняя наша образованность, культура, наука, интеллектуальный уровень, выдающиеся достижения наших земляков во всех областях современной жизни берут начало от служения и бескорыстного труда тех русских, которые приезжали в те годы в Дагестан по распределению.

– Твое мнение о реформе в здравоохранении?

– К сожалению, нынешние реформаторы пытаются решить все проблемы введением системы «семейного врача», то есть врача на все случаи жизни. Наш профессор Шамов справедливо считает это возвращением к фельдшеризму, и я совершенно с ним согласен. Мне кажется, что руководители здравоохранения не знают ни проблем здравоохранения, ни путей их решения.

– Как тебе жилось и живется сейчас?

– Первоначально, когда приехал, не собирался здесь оставаться, хотел отработать положенный срок и вернуться в Дагестан. Тем более, все родственники и любимая девушка жили в Дагестане. К сожалению, у нее не хватило терпения, хотя говорила и писала, что готова меня ждать. После этого я уже не стремился уехать отсюда, хотя мои братья и сестры очень на этом настаивали. Здесь я был устроен хорошо. Нормальная работа, благоустроенное жилье, хорошие отношения с населением, не было никаких оснований покидать обжитое уже место. Здесь я не пресмыкался ни перед кем, превыше всего ставил человеческое достоинство, и, к счастью, не было на моем жизненном пути людей, которые восставали против моих жизненных принципов. Русские очень добрые и отзывчивые люди, в них нет хитрости, коварной подлости, нет предвзятого отношения к людям другой национальности. Они справедливо хотят, чтобы и к ним относились подобающим образом. Я соблюдал эти правила, поэтому мне среди них живется очень комфортно.

– Приходилось ли здесь сталкиваться с проявлениями кавказофобии, национализма?

– Проявления кавказофобии и межнациональных трений среди обычных, простых людей не было ни раньше, нет и сейчас. Если такие проявления существуют, то только на властных уровнях. Даже после двух чеченских войн, после того как многим русским пришлось покинуть Северный Кавказ и Закавказье, мы, кавказцы, живущие здесь, не чувствуем никакой озлобленности, изменения отношения к нам. Традиции тех, среди кого живем, нельзя нарушать, тем более что они сами нам ничего не навязывают. Нельзя входить в чужой монастырь со своим уставом. Мы, дагестанцы, обижаемся, что нас называют «лицами кавказской национальности». По моему глубокому убеждению, молодые кавказцы, живущие среди русских, своим не совсем тактичным поведением по отношению к ним, сами провоцируют, чтобы нас так называли. Поэтому не надо перегибать палку, не надо вести себя в гостях как хозяева, как многие наши «крутые» поступают, надо соблюдать общечеловеческие правила приличия. Представьте, что русский на улице в Махачкале пристает к нашей девушке, – этого у нас не допустят. Почему же в таком случае наши молодые люди в русских городах позволяют себе такое безобразие? Никто этого не потерпит. Я живу среди русских, на исконно русской земле более 45 лет. Прошел все ступени карьерного роста, начиная от сельского врача до главного врача одного из крупных районов Владимирской области. Меня ни разу никто не называл «лицом кавказской национальности», никто не оскорбил, не сказал грубого слова, никто не пытался мешать мне или ставить подножки в работе, я не был обделен ни наградами, ни вниманием. Главная причина такого взаимопонимания в том, что я старался добросовестно делать свое дело, ради которого сюда приехал и здесь живу, и с уважением относился к человеческому достоинству окружающих меня людей. Соблюдая эти нехитрые и несложные правила человеческого поведения, мы можем всюду жить нормально.

Кстати, когда нам внушают, что русские кормят Кавказ, я вспоминаю слова Рамазана Абдулатипова, сказавшего, что «дотационным является не Дагестан, а дагестанские чиновники». Если говорить о дагестанцах во Владимирской области, то они здесь есть, но их не так много. Мы были первыми дагестанскими врачами, которые ступили на эту прекрасную и красивую владимирскую землю. Среди наших земляков есть врачи, предприниматели, директора предприятий. Мой племянник Саитбег, например, работает главным инспектором крупной строительной фирмы. Никто не говорит о них «понаехали», ни разу не слышали, чтобы кто-нибудь из наших земляков

прозвучал в криминальной хронике, каждый занимается своим делом, ведут себя скромно и с достоинством. Говорю как есть. Здесь должности не продаются и пробиться по карьерной лестнице возможно только благодаря своим деловым, профессиональным и человеческим качествам. Главное ведь не в том, где ты живешь, а как себя ведешь, чем занимаешься.

– У тебя есть опыт работы врачом и в Дагестане. Но ты снова вернулся во Владимирскую область. Почему?

– В 1972 году по настоятельной просьбе близких я вернулся в Дагестан. Стал работать в больнице, не буду ее называть, и вот почему. К тому времени в ней уже была узаконена система обязательного денежного поощрения врачей родственниками больных. Я не был к этому приучен, в средней полосе России медицина все еще оставалась бесплатной. Это не нравилось не только родственникам больных, но и коллегам. Стали шушукаться, мол, приехал какой-то странный доктор, который ни от кого ничего не берет. Если говорить об отличиях в здравоохранении Владимирской области и Дагестана, то это сложный вопрос для меня, зная только местную ситуацию, не могу судить. По показателям здоровья Владимирская область выглядит предпочтительнее, хотя Дагестан имеет значительное климатическое преимущество – море, горы, фрукты, тепло и многие другие факторы. Помимо этого, около 900 услуг во Владимирской области оказываются бесплатно. Сама система оказания бесплатной медицинской помощи переживает ныне системный кризис. Проводимые в стране в последние годы реформы здравоохранении по сути дела – большая свистопляска по распилу бюджета и ограбления больных.

– Какую дорогу в жизни избрали твои дети?

– У меня их двое. Живут отдельно, каждый своей семьей. Старший Марат закончил юридический факультет института, работал юрисконсультантом, а последние два года работает в службе безопасности одной из структур. Младший стал ортопедом-стоматологом, и работает здесь в Вязниках. Важно, чтобы они были честными, порядочными людьми, помнили о своих корнях, с уважением относились к людям.

– Бываешь ли ты в Дагестане? Как воспринимаешь современную в нем ситуацию?

– Каждый год бываю, посещаю свое село, но мои интересы не распространяются дальше родных и близких. Обращает на себя внимание морально-нравственная деградация отдельных наших земляков. Из Дагестана я уехал в 1965 году, сохранив в памяти великолепные человеческие качества земляков, чем они славились на всю страну. Эрозия коснулась традиций, обычаев, отношения к пожилым, к женщинам, друзьям. Каждый раз задаю себе вопрос: для чего такие люди приезжают в другие российские регионы, если не могут вести себя достойно? Дай Бог, чтобы я был неправ. Прискорбно, но факт, что в Дагестане многое зависит от того, какой ты национальности и чей ты родственник. Проблема и в том, что дагестанцы не чувствуют себя единой нацией, единым народом.

– Что бы ты сказал землякам, выезжающим на работу и учебу в русские районы?

– Вести себя надо нормально, учиться отлично и работать добросовестно, высокопрофессионально! Только в этом случае они смогут интегрироваться в общество и пользоваться уважением окружающих. Такие наши земляки не нуждаются в моральных нравоучениях.

– Что из себя представляет Вязниковский район?

– Вязники – провинциальный город, замечательный уголок черноземной зоны России. Здесь много лесов, озер, рек, церквей. Здесь родился и жил известный на всю страну поэт-песенник Алексей Иванович Фатьянов. Люди старшего поколения знают хорошо песни «Соловьи», из кинофильма «Весна на Заречной улице», «В городском саду» и многие другие на стихи А.И. Фатьянова.

– С высоты прожитого как бы ты определил ценности жизни?

– Жизнь проходит как мгновение, а в молодости казалось, ей не будет конца. Оглядываюсь назад и жизнь представляется мне сплошной суетой. В режиме бесконечных дел и проблем не было времени думать о проходящих и вечных ее ценностях. Хотя в этих ценностях ничего не меняется. Для меня это семья, дети, родные и близкие, друзья, любимая работа, возможность делать людям добро, но не по принуждению и не по обязанности, сохранение чести, достоинства, жить по совести. При любых ситуациях это, пожалуй, главное.

Беседовал
Магомед АБДУЛХАБИРОВ

Сабина ИСРАПИЛОВА

В Польшу – за новыми друзьями

Наши корни, многовековые традиции, предания и легенды, родные напевы, душа народа – все это вбирает фольклор. В быстротечном мире техногенных открытий он – глоток свежего воздуха, возвращение к истокам. Слушаешь старинную песню, мелодию, сыгранную на национальном инструменте в «живом» исполнении, завороженно смотришь постановку танца и понимаешь – вот оно, настоящее. В погоне за материальным мы порой забываем о духовном. Как результат – межнациональные конфликты, этнические «разборки», локальные войны. Так было не только на территории постсоветского пространства, но и во всех некогда дружественных социалистических странах. И они этого не избежали. Но, к счастью, ростки добра, спрятанные где-то глубоко в человеческих душах, просто ждали своего часа, чтобы дать всходы. И когда в бездуховном пространстве стало просто нечем дышать, мы снова стали возвращаться к истокам, к фольклору.

Международные фольклорные фестивали в польском городе Плоцке… В семидесятых годах прошлого столетия для участия в них в Польшу съезжались самодеятельные коллективы со всего мира. И вот в этом году традиция их проведения вновь возобновилась. Фольклорные коллективы Болгарии, Сербии, Латвии, Польши, Кипра приехали в Плоцк, чтобы показать культуру своего народа, свои песни и танцы, национальные инструменты. Приняла участие и делегация из России. И с особой гордостью хочется сказать, что она была представлена хореографическим ансамблем «Темирхан-Шура» из Буйнакского района и городской группой «Атлан» из Буйнакска. Выезд дагестанского коллектива на фестиваль был поддержан Президентом Дагестана М. Магомедовым и организован Министерством культуры России, Министерством культуры Дагестана, российским и республиканским Домами народного творчества. Но, пожалуй, самую большую поддержку и помощь оказала Буйнакская районная администрация и глава МО «Буйнакский район» Д. Шихсаидов.

Позади месяцы изнурительных репетиций, напряженной подготовки. Восемь пар танцевального ансамбля «Темирхан-Шура» едут в Польшу, чтобы покорить ее нашими танцами. Руководитель ансамбля Азамат Алиев для участия в фестивале за короткий срок поставил несколько новых танцев. В сжатые сроки всем артистам сшили новые национальные костюмы, да не по одному, а для нескольких выходов, и в этом большая заслуга руководителя Буйнакского районного межпоселенческого Центра культуры Рукият Иразутдиновой. И вот ребята готовы к поездке. Для многих это была первая поездка за границу, можете себе представить, какие эмоции их переполняли.

На торжественном открытии фестиваля под звуки праздничного марша на сцену вышли фольклорные коллективы, прозвучали национальные гимны стран-участниц. Мэр Плоцка Анджей Новаковский, директор фестиваля Артур Вишневский и художественный руководитель фестиваля Пётр Онишко открыли фестиваль. На поляне собрались более двух с половиной тысяч зрителей.

– Мы очень волновались, – рассказывают ребята, – ведь впервые нам доверили представлять на сцене не только свой район, свою республику, но и всю Россию. Конечно, то, что встретили нас очень тепло и радушно, помогало справиться с волнением. А наши кураторы – Аня и Миша, к сожалению, не запомнили их фамилии, вообще стали почти родными, и, расставаясь, мы все плакали.

– На каком языке общались?

– С Мишей на русском, ведь польский и русский очень похожи, а с Аней – на английском.

– Что, среди вас есть полиглоты?

Ребята смеются.

– Мы так, с пятое на десятое, это в основном Кристина Шабаева.

Смотрю на покрасневшую от смущения Кристину и в очередной раз удивляюсь, как сумела русская девушка впитать в себя, казалось бы, не родную ей культуру? Грациозности и пластике, с которой она исполняет лезгинку, позавидует любая дагестанская девушка (уж я, во всяком случае, очень завидую).

– Ну, давайте, рассказывайте, где были, что видели? – допытываюсь я.

– Ой, многое. Мэр Плоцка устроил прием в нашу честь, еще нам организовывали экскурсии, знакомили с местными достопримечательностями, возили в зоопарк. Были мы и в городах Лодзе, Плоге. Везде давали концерты, и нас встречали очень тепло.

– Что запомнилось особенно?

– Многое. Но, самое главное, улыбчивые лица. Поляки очень непосредственны. Они, наверное, впервые видели лезгинку, но тоже старались танцевать с нами, не стесняясь казаться смешными. А еще запомнилось праздничное шествие. Все коллективы шли по улицам города почти километр, танцевали и пели на ходу, а горожане, шли рядом и подпевали, хлопали.

Неделя в Польше пролетела незаметно. Но все когда-нибудь кончается. Пришла пора прощаться. В культурном комплексе «Амфитеатр» состоялось закрытие фестиваля. Каждый коллектив выступал с 25-минутной программой. Концерт длился почти 4 часа, но 3,5 тысячи зрителей не хотели расходиться. Наших ребят вызывали на «бис» несколько раз. Дагестанские танцы, национальные костюмы, музыкальные инструменты – все это вызывало особый восторг у зрителей.

– Как вы думаете, в чем смысл таких фестивалей? – спрашиваю у ребят.

Мне действительно интересно, что ответят они, представители новой формации. В среднем им по 19–20 лет, им не твердили об интернациональной дружбе, ведь у них не было советского прошлого.

– Познакомиться с иной культурой, пообщаться с творческими людьми из разных стран, найти новых друзей, – ответили они. – А еще мы хотим сказать большое спасибо Апай Ахмедовне Джааевой, заместителю начальника РУО, – говорят ребята. – Она сопровождала нас в поездке и относилась к нам, как к своим детям.

Фольклорные фестивали – это возможность, как сказали танцоры «узнать другую культуру». И это прекрасно. Ведь если сербы начнут танцевать лезгинку, киприоты – краковяк, а дагестанцы – польку, они станут ближе друг другу, и всем станет ясно, что даже плохой мир лучше войны. И «воевать» молодежь будет на сцене – за симпатии зрителей, на спортивной арене – за медали, на научной ниве – за новые разработки, призванные созидать, а не разрушать.

Золотая пора. Река Джурмут

Фото К. Чутуева

Эдуард ЭМИРОВ

Вспоминаю в год юбилея...

В год 85-летия Дагестанского радио я вспоминаю, что 7 ноября 1927 года началось его вещание. И я уже 30 лет, как работаю репортером. За это время пришлось встречаться со многими людьми, которые стали моими учителями, помогали держать руку на пульсе времени, на пульсе жизни. Но особой строкой в моей журналистской биографии стали встречи с ветеранами Великой Отечественной войны. Мне повезло. Когда пришел работать в редакцию республиканских известий Дагестанского радио, моими учителями были журналисты-фронтовики: Владимир Сперанский, Илья Духович, Гаджи Гасанов, Раиса Абуева, Абсалам Аскерханов. Мы, молодые журналисты, учились у них не только профессиональному мастерству, но и правде жизни, умению отстаивать свою точку зрения, добиваться поставленной цели. Многих из них уже нет с нами, но мы помним их.

Разве можно забыть, к примеру, легендарного Владимира Васильевича Сперанского, бессменного главного редактора редакции художественного вещания Даградио, который чудом остался в живых во время ожесточенного боя с фашистами на украинской земле. Фактически погребенный под трупами своих однополчан, тяжело раненный, он все-таки был спасен подоспевшими нашими бойцами. Какова же была неимоверная радость его матери – накануне она получила «похоронку» на сына, – когда ее Володя вернулся в родную Махачкалу, хотя и без ампутированной почки. Позднее в редакции «Махачкалинских известий» он говорил мне и в шутку и всерьез: «После моей смерти поставьте памятник моей правой почке». Кстати, на Украине стоит памятник, Владимир Васильевич знал об этом, на котором начертаны имена тех, кто погиб в тех местах, значится там и фамилия рядового В. Сперанского. Благодаря прекрасным военным хирургам, которые смогли сохранить ему жизнь, на протяжении 50 лет Владимир Васильевич смог трудиться на благо своей республики, во имя музыкального искусства Дагестана, историю которого он знал как никто другой.

Ветеран войны Раиса Абуева в 1983 году оставила мне «в наследство» свой рабочий стол в редакции республиканских известий. На встрече с ветеранами в ГТРК «Дагестан» Раиса Васильевна вспоминала, как она, русская девушка, фронтовая медсестра, встретила молодого хирурга родом из Дагестана, Ахмеда Абуева, и прошла с ним не только до Берлина, но и была ему верной супругой до конца его жизни. Раиса Васильевна рада успехам своих детей и внуков, ее сына Мурада Абуева, великолепного музыканта, скрипача хорошо знают в Дагестане и

московские слушатели. Раиса Васильевна часто встречается с молодежью в учебных заведениях, рассказывает им о войне, о работе на Дагестанском радио. Не могу не вспомнить добрым словом нештатного сотрудника, журналиста по призванию Тамару Александровну Березовскую, которая сделала сотни радиоочерков о ветеранах.

Репортер всегда в поиске. В 1985 году, когда я готовил радиокомпозиции к 40-летию Великой Победы, мне попалась брошюра о деятельности в годы войны «тимуровской команды» Кищинской восьмилетней школы из Дахадаевского района. Мне довелось побеседовать с одним из «тимуровцев», взрослым уже человеком, подтвердившим в ней написанное. Строчка в книге обернулась интересной встречей с участником описанных событий. Была еще одна незабываемая встреча с интересным человеком – выходцем из этого района. Абдула Абдурахманов – участник войны, уникальный кубачинский мастер, один из пяти дагестанцев-лауреатов Всесоюзной премии им. Репина. Его фронтовые воспоминания и знакомство с его замечательными ювелирными произведениями мне памятны до сих пор. Да, каждый человек неповторим. Но война беспощадна. И в каждом дагестанском селе стоят памятники землякам, погибшим в те годы.

Сегодня, в год 67-летия Победы и 85-летия Дагестанского радио, хочется еще раз вспомнить о ветеранах войны, которые впоследствии посвятили свою жизнь журналистике. У нас уже все меньше возможностей услышать их рассказы. Я рад, что в свое время был причастен к тому, что наши слушатели из первых рук узнавали о жизни на фронте. Мы записывали эти интервью и монологи, без которых невозможно представить полную картину тех страшных лет. Помню, как во время беседы с женщиной-ветераном из Избербаша она внезапно расплакалась. При монтаже передачи этот трогательный момент был сохранен и, как выяснилось, радиослушателям больше всего запомнился именно этот эпизод.

Вот и хочется поздравить с юбилеем Дагестанского радио своих коллег – радиожурналистов. Здоровья вам, дорогие!

Московский государственный университет им. М. Ломоносова и Институт мировой литературы им. А. Горького РАН провели всероссийскую научно-творческую конференцию «Северный Кавказ и русская литература XIX-XX веков». Междисциплинарная проблематика конференции привлекла внимание филологов, историков, этнологов, педагогов, философов, писателей, издателей. На пленарном заседании с докладом «Открытие Кавказа как экзистенциальный выбор (из опыта русской литературы)» выступил наш земляк, член Общественной палаты Республики Дагестан, заведующий Отделом литератур народов РФ и СНГ Института мировой литературы им. А. Горького РАН, доктор филологических наук, профессор Казбек СУЛТАНОВ. Специально для нашего журнала он подготовил статью, публикуемую ниже.

Казбек СУЛТАНОВ

Долгая дума о Кавказе

Дума эта формировалась, прирастая смыслами, на протяжении 265 лет, если ее истоками считать ломоносовские и державинские оды. Интенсивность присутствия Кавказа и «кавказского мифа» в русской культуре и литературе несопоставима ни с каким другим инонациональным сюжетом. Разве только «польский вопрос» оставался столь же значимым лейтмотивом общественной и литературной мысли. Почти одновременно в 1831 году появились и пушкинские «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», инициированные революционными событиями в Польше, и вдохновленные Кавказом произведения М. Лермонтова – «Аул Бастунджи» и немного поздней «Измаил-Бей». В толстовском «Хаджи-Мурате» эти темы объединила равная императорская недоброжелательность к горцам и полякам, столь выразительно воссозданная в главах о Николае I.

Два красноречивых свидетельства той эпохи, подтверждающих уровень значимости «кавказского вектора» для политической и общественной мысли.

В 1860 году после пленения имама Шамиля профессор Московского университета, издатель журналов «Московский вестник» и «Москвитянин» М. Погодин в одном из писем воскликнул: «Что значит Кавказ? Понимаете ли вы, господа предводители, заседатели, депутаты и учредители, что значит Кавказ и его отношения к России, к Европе, к Истории?. Не знаете вы, чем может сделаться Кавказ в руках умного, смелого правительства!».

Через пять лет один из лучших аналитиков Кавказской войны генерал-майор Н. Фадеев в «Письмах с Кавказа» со знанием дела и с убежденностью участника той войны писал о «покорении Кавказа» как «величайшем из внешних событий русской истории в XIX веке», но главной стала его мысль о том, что «Кавказ составляет половину всей политической будущности России»

Именно под кавказским небом родился первый великий вопрос русской литературы и сформулировал его М. Лермонтов: «... жалкий человек. / Чего он хочет!.. небо ясно, / Под небом места много всем, / Но беспрестанно и напрасно / Один враждует он – зачем?». Более известные «Что делать?» и «Кто виноват?» появились позднее. Ключевой русско-кавказский вопрос «Зачем?» почти буквально отзовется в толстовском «Набеге»: «Неужели тесно жить людям на

этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом?».

Кавказ стал прологом и эпилогом творческой биографии Л. Толстого – эпилогом не только в том смысле, что в 1896 году вспомнилась «давнишняя кавказская история» и началась работа над «Хаджи-Муратом». Мой друг, японский профессор Коити Итокава, более тридцати раз посетивший Ясную Поляну, долго рассказывал мне, что в кармане Толстого, остановленного болезнью в Астапово, лежал билет до Владикавказа… Трудно или почти невозможно оспаривать эту версию, если помнить о том, чем был Кавказ для молодого Толстого, одержимого идеей нравственного совершенствования. Ведь именно его самочувствие безошибочно воплотилось в переживаниях Оленина из «Казаков», который «с каждым днем чувствовал себя здесь более и более свободным и более человеком».

«Непродуманным» назвал Толстой в январе 1852 года свое решение поехать на Кавказ, но в том же письме поразительные слова: «Мной руководила рука божья – и я горячо благодарю его, – я чувствую, что здесь я стал лучше…». Спустя семь лет, находясь вдали от Кавказа, он возвращается к нему, сохраняя ту же духовно преобразующую тональность: «Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал туда, как в это время, продолжавшееся 2 года. И всё, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением».

Наблюдение А. Сергеенко, проследившего историю создания «Хаджи-Мурата», выразительно подтверждает долговременность и устойчивость толстовского интереса к Кавказу: во всей библиотеке Толстого, «насчитывающей двадцать три тысячи томов», первое место по количеству рабочих помет занимает «Сборник сведений о кавказских горцах» – единственное издание, по поводу которого Толстой дважды прибегал к глаголу «упивался».

Толстовское отношение к географически и тематически локализованному материалу оказалось куда более значительным, чем писательский отклик на «местный колорит» или на героику противостояния. Под кавказским небом начала набирать силу радикальная переоценка ценностей, предвосхитившая толстовскую философию всеединства.

С первых кавказских рассказов Толстой сохранял в поле духовного зрения эту высшую смысловую инстанцию – идею взаимозависимости людей в «движении общей жизни», суть которого, как сказано в трактате «О жизни», «не в усилении и увеличении борьбы существ между собою, а напротив в уменьшении несогласия…».

Когда мы говорим о художественном открытии Кавказа, то имеем в виду не только узнаваемые хрестоматийные тексты. Язык описания «сурового края свободы» был разновекторным, отличаясь живой вариативностью смыслов и стилей. Без их реконструкции наше представление о реальных художественных моделях будет заведомо неполным. Ведь помимо лермонтовского признания, ставшего «визитной карточкой» («я сердцем твой, – всегда и всюду твой!»), в литературе существовали и другие варианты художественной рецепции.

Три примера из числа забытых или полузабытых, отсылающих к искомой полноте картины.

В посвященном князю А. Барятинскому стихотворении П. Вяземский, обращаясь к победителю после гунибского плена Шамиля, акцентировал мотив переделки душевной природы человека: «Чтобы вкусив из полной чаши / Струю святых и мирных благ, / Благословил победы наши / Перерожденный нами враг».

Еще один неожиданный поворот кавказской темы встречаем в сонете «Кавказские горы» П. Катенина, бывшего коменданта Кизляра, поэта и критика. Здесь Кавказ предстает не только «непроходимой, безлюдной страной», но и «притоном разбойников». В то же время он не устоял перед радикальной сменой знаков: надоевшему «воспетому» Кавказу он противопоставил не менее однозначный и одномерный образ Кавказа. Его тезис «поэзии зараза» как, якобы, опознавательный знак «реального» Кавказа, подчинил себе всю стилистику сонета: если громада гор, то тяжкая, камни – бесплодные, вода – мутная, орлы – несытые, горная цепь – пресловутая и т.п.

Третий и по-своему показательный пример связан с редкой темой перехода в

другую веру, представленной в повести Л. Чарской «Газават». Когда-то К. Чуковский в газете «Речь» резко раскритиковал Л. Чарскую за примитивные сюжеты и даже назвал ее «гением пошлости». Думаю, что «Газават» с его мелодраматическим пафосом и театральным надрывом вполне соответствует этой характеристике.

Поначалу Кавказ в русской литературе выступал не столько как переживаемый и познаваемый мир, этнически и географически локализованный, сколько как «обитель вольности святой». Вольность, которая «милей отчизны и покоя» («Измаил-Бей»), воспринималась и как спасительное убежище от «всевидящего глаза» и «всеслышащих ушей». Тяга к возвышению духом сочеталась, однако, с приблизительностью знания о Кавказе, которую пародийно воспроизвел Ю. Тынянов в романе «Смерть Вазир-Мухтара». Он процитировал стихотворение В. Жуковского, в котором добросовестно перечислены аборигенные народы («гнездятся» в горах), и трезво напомнил о реальном положении дел: никаких камукинцев и чечерейцев на Кавказе никогда не было. Потом речь зашла о Нессельроде – тот вообще все племена на Кавказе называл кахетинцами, «так как помнил кисловатый вкус кахетинского». Да и Бестужев честно предостерегал читателя: «…если кто воображает по моим очеркам познакомиться с Кавказом, а не со мною, тот горько ошибется».

От позиции наблюдателя, созерцателя, наставника, «первоспитателя» кавказская тема эволюционировала к фигуре заинтересованного собеседника, ориентированного на взаимоузнавание и, как следствие, на взаимопонимание. Разворачивающейся художественной мысли стало тесно в рамках доминировавшего «образа врага». Лермонтов в очерке «Кавказец» не использует слово «кунак», хотя и пишет о дружбе «с одним мирным черкесом», но в стихотворении «Валерик» оно возникает вслед за строкой «один враждует он – зачем?» как важный коммуникативный жест: «Галуб прервал мое мечтанье, / Ударив по плечу; он был / Кунак мой…». Чеченец Садо в «Хаджи-Мурате» знал о приказе Шамиля задержать Хаджи-Мурата, но принял беглого наиба без колебаний: «У меня в доме моему кунаку, пока я жив, никто ничего не сделает». Авторская речь возвращает читателя к этической безупречности куначеского поступка: «Садо считал своим долгом защищать гостя – кунака, хотя бы это стоило ему жизни, и он радовался на себя, гордился собой за то, что поступает так, как должно». И в «Записках из Мертвого дома» Ф. Достоевский не прибегает к слову «кунак», но его кавказцы узнаваемы по тому же ритуально-куначескому удару по плечу. Повествователь, вспоминая Нурру («улыбаясь, дружески ударил меня по плечу»), счел нужным объяснить русскому читателю: «…хочет показать мне свою дружбу, ободрить меня…».

Открытие Кавказа или человека на Кавказе связано с этой интонацией пробуждающегося куначеского или братского расположения. Воссоздавая незаурядные кавказские характеры, литература прощупывала куда более важный рубеж, чем ставшее дежурным восхищение самобытными и вольными горцами. «Говорят, нехристи, а тоже душа есть…» – слова Каратаева о французах из некавказского текста Толстого («Война и мир») могут быть органично восприняты и в русле обновляющегося представления о кавказцах. В своих «Воспоминаниях декабриста», замечательных по естественности тона и наблюдательности, декабрист А. Беляев, оказавшийся на Кавказе после 12 лет каторги, тяготел к тому же открытию человеческого в человеке: «и тут бьются сердца радостью и любовью, и тут те же человеческие страсти… та же, только в различных формах, жизнь сынов человеческих».

В этом плане показательна внутрилитературная полемика двух знаковых творческих подходов – бестужевского и толстовского.

Поэт воинской отваги, стойкий романтик, прекрасно чувствовавший экспрессию сражения, похода, движущегося обоза, знаток местных реалий, Бестужев исчерпал потенциал романтической героизации батальных сцен: «как невыразимо величественна военная музыка среди битвы! Как гордо и торжественно звучала она в горах Кавказа!» («Письма из Дагестана»).

Эстетика и этика Толстого исключали отношение к насилию как рутинной практике, если вспомнить бестужевские метафоры: «пули здесь столь же обыкновенная ягода, как миндаль» или «карантинная окурка порохом».

Если в бестужевских текстах превалировал конфликт ценностей – вспомним отказ кузнеца в «Аммалат-беке» подковать офицерскую лошадь в нерабочий день священной джумы, то Толстой стремился его минимизировать, «вычитывая» обнадеживающие признаки сближения людей. На бестужевское «упоение в бою» он ответил идеей «уменьшения несогласия», размыкая границы войны в сферу приватной жизни и благожелательной коммуникативности, возвращая украденную войной коммуникацию в жизнь на войне.

Толстой вовлекал кавказский мир в горизонт существования рода человеческого как такового, в сферу вечных категорий «жизнь-смерть», «добро-зло», когда неевропейские корни, этнокультурный и вероисповедальный факторы утрачивают традиционный статус источника конфликтов.

Но в «Хаджи-Мурате» цена общения людей, представляющих разные культурные традиции, оказалась невероятно высокой. Можно говорить не столько о диалоге как развернутом обмене словами и мыслями, сколько о его напряженном предвосхищении, когда не то что общение, а даже намек на его осуществимость приобретал особую весомость. А слова Хаджи-Мурата «прощай, спасибо» из первой редакции превратились в каноническом варианте в «прощай, матушка, спасибо». Очень русское слово «матушка» в устах горца, никогда не произносившего ничего подобного, должно, казалось бы, утратить исконный ласковый и сближающий смысл, но этого не происходит.

После отъезда Хаджи-Мурата реплику о нем («плут большой») Марья Дмитриевна незамедлительно парирует: «дай Бог, чтобы побольше русских таких плутов было». И произносит слова, возвращающие читателя к заветному камертону толстовской этики: «зачем осуждать, когда человек хороший». Именно Марья Дмитриевна находит нужные слова, угадывая внутренний нерв ситуации, заложником которой стал Хаджи-Мурат: «Дай Бог, дай Бог семью выручить». Толстой не упускает возможность обозначить ответное понимание, мгновение родства человеческих душ: «Он не понял слов, но понял её участие к нему и кивнул ей головой».

Центральным вопросом «Хаджи-Мурата» стала ни с чем не соотносимая идея самоценности жизни и человеческой стойкости

вопреки нечеловеческим обстоятельствам. Ее художественная реализация стала, на мой взгляд, самым сложным – в психологическом и экзистенциальном планах – случае в практике «литературного кавказоведения».

Если А. Пушкин в «Тазите» и М. Лермонтов в «Беглеце» остановились на рубеже типичного горского изгнания героя за несоблюдение законов адата, то Толстой идет дальше, артикулируя ситуацию самоотлучения от родных пределов, которая позднее будет осознана как «страшный поворот в его жизни». Свободная воля героя, его выпадение из гнезда оказались самоубийственными. И дело не в недоверии кавказского наместника Воронцова, а в добровольности самоизгнания во имя иллюзорной цели. Она в итоге загнала на погибельное «рисовое поле, заполненное водой», где Хаджи-Мурат погибнет от удара «большого кинжала» бывшего кунака Гаджи-Ага.

Но решающим аргументом становится победа художника над любой умозрительностью. Толстой заходит так далеко, насколько это возможно, не сдавая до последнего такого человека – по аналогии с кустом «татарина», который «отстаивает жизнь до последнего». В финале «Хаджи-Мурата» – сквозной, трижды использованный в одном предложении глагол «поднялся»: поднялась голова, поднялось туловище, поднялся весь. Толстовский герой – это то, что поднялось, а то, что «враги топтали и резали» уже «не имело… ничего общего с ним».

За выбором в высшей степени неоднозначного героя – туго натянутая тетива все той же толстовской «любви ко всякому человеку», не отлучающей обреченного, но несломленного человека от «движения общей жизни», не исключающей его из универсума деятельной объединительной любви.

О начале работы над повестью «Хаджи-Мурат» Толстой впервые упомянул 18 июля 1896 года в записной книжке. Через 13 дней газета «Кавказ» публикует очерк М. Алиханова, просвещенного дагестанца и по совместительству царского генерала, из его серии «В горах Дагестана» (всего тридцать очерков). Эта публикация стала заметной благодаря эксклюзивному, как сказали бы сегодня, материалу – записанной в горах песни о Хаджи-Мурате.

Толстой в процессе работы, разумеется, не мог не проштудировать номера такой газеты, как «Кавказ». Думаю, что свою роль сыграло несогласие или неприятие позиции Алиханова. Он не мог согласиться с алихановским восприятием жертвенного героизма горцев как бессмысленного упорства и самоубийственного выбора, порыва к свободе как бунта «варваров», подъема национального духа как исторического заблуждения. Толстого-художника, не принимавшего воинствующую имперскую однозначность, привлекало совсем другое – живой страдающий человек независимо от его места на баррикадах, от его происхождения и веры.

Когда Р. Гамзатов назвал Пушкина аварским поэтом, то никому, даже бдительному идеологическому отделу Обкома КПСС, не пришло в голову указать, поправить, напомнить об истинной этнической и культурной принадлежности Александра Сергеевича.

Когда А. Авторханов назвал поэзию Лермонтова «Кораном каждого интеллигентного горца», то он прекрасно понимал, что Кораном может быть только Коран – единственный, Богом ниспосланный. Но он осознанно взял предельную или даже запредельную высоту, чтобы с наибольшей адекватностью обозначить совершенно особое место Лермонтова в сознании кавказской интеллигенции.

Подобные неюбилейные, предельно искренние в своей исповедальности признания выдают важный для наших национальных культур вектор – духовное притяжение русской литературы.

Идеал межнационального согласия, поразному сформулированный Пушкиным («когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся») и Толстым («искать то, что объединяет людей, а не разъединяет их»), история проверяла и будет проверять на прочность, но как высшая, пусть и идеальная, цель он останется, пока мы, распри позабыв, будем находить то, что нас объединяет.

Толстой любил и часто вспоминал слова Зосимы из «Братьев Карамазовых». При всей их вневременной философской насыщенности сегодня они воспринимаются как вполне злободневные: «Все как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь – в другом конце мира отдается».

Магомед АБДУЛХАБИРОВ

Заповеди Абидат

Многие ли из нас в 4-м классе формулируют для себя жизненные заповеди? Не знаю таковых. Кажется, что и в 40 лет мало кто задумывается о смысле жизни.

«Девушка должна быть скромной, нежной и благонравной; она должна уметь готовить вкусную еду, шить, косить траву и гладить одежду, обладать совестливостью, состраданием и человечностью; должна быть внимательной, заботливой и послушной; должна заботиться о родителях, братьях, сестрах и муже; соблюдать традиции народа; стараться быть счастливой в жизни и честно работать; постоянно пополнять свои знания; родить детей и воспитывать их, чтобы они стали порядочными людьми; жить так, чтобы мною гордились родной аул, район и Дагестан».

«Мне очень больно стало за американскую девочку Саманту Смит, которая писала письмо Юрию Андропову и погибла в авиакатастрофе. Я ей посвятила стихи «Детям нужен мир и мама!»

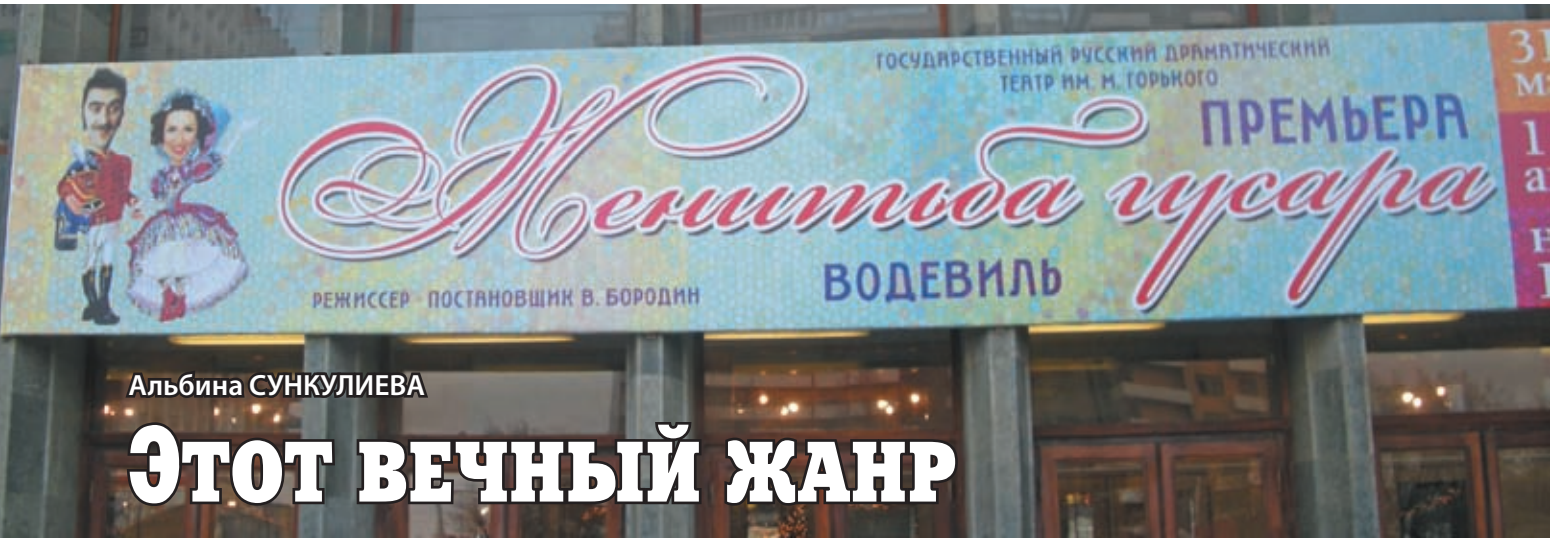
Женщине, бросившей ребенка: «Неужели ты не слышишь плача своей девочки? Не хочешь увидеть ее улыбку, ощутить ее тепло? Как ты можешь жить без нее? Кому же ты даришь свою любовь? А она все думает и думает: я устала жить в доме сирот, я к маме хочу. Помогите мне ее найти!».

Вот такие заповеди у Абидат Нурмагомедовой – ученицы 4 класса из аула Тануси Хунзахского района Дагестана. Это рядом с селом великого поэта Расула Гамзатова. Абидат не только хорошо учится, но и пишет хорошие стихи, умные рассказы, рисует картины с интересными сюжетами. Абидат разработала эмблемы дружбы народов Дагестана и России. Боже мой, знаем ли мы – взрослые – о думах, глубоких переживаниях своих детей?

«Мама у меня красавица, зовут ее Асият. Папа – истинный горец, зовут его Камиль. Отец очень любит читать художественную литературу. У нас дома небольшая библиотека. Отец купил целую коллекцию «Мировые сказки» с дисками. Английский язык в школе изучается с 5-го класса. Мама уже купила мне различные словари и диски по изучению английского зыка. Хожу на волейбол и на танцевальный кружок. Работаю над выразительным чтением стихов. Еще мне очень нравится работа с бисером; куклами особо не интересуюсь; умею доить корову и пришивать пуговицы. Очень люблю сочинять стихи. Любовь эта у меня появилась, когда познакомилась с учительницей Шамай Расуловной Казанбиевой. Она – настоящий друг, учитель и наставник. Учит очень многому хорошему, вместе обсуждаем разные темы, мои стихи и рассказы». Какое счастье в самом начале жизни найти настоящего УЧИТЕЛЯ!

«Для детей мама – всегда солнце, луна, звезда, защита и счастье. Папа мой – мужественный и заботливый, нежный и требовательный. Мне кажется, что папа и мама очень любят друг друга, но не показывают это людям. Бабушка наша – большое, светлое солнышко!»

И еще мечтает Абидат о ноутбуке. У нее два братика старших. А на днях у нее появилась еще и сестренка. И мы вправе поздравить эту чудесную девочку! Хочу, чтобы на дорогах жизни Абидат встречала бы только хороших и мудрых людей!



Альбина СУНКУЛИЕВА

Этот вечный жанр

Это стало настоящим культурным событием для Дагестана. Русский драматический театр имени Горького, который ежегодно радует своего зрителя различными постановками, решил удивить дагестанцев новым жанром. Очень легким, искрометным, веселым. Водевиль… Водевиль… – понятие, которое ассоциируется с русской культурой 19 века. Он пришел в нашу республику. И встретили «Женитьбу гусара» в Махачкале, что называется, «на ура».

Это первый подобный опыт, и он понравился дагестанскому зрителю. Идея поставить на главной сцене подобную музыкальную комедию принадлежит главному режиссеру театра Скандарбеку Тулпарову. Он говорит, что, несомненно, Русский драмтеатр может похвастать сегодня многими серьезными, драматическими спектаклями по произведениям русских и зарубежных классиков. Но захотелось внести в прямом смысле «свежую струю в культурную жизнь республики». Например, поставить водевиль. С этой мысли и начались переговоры с коллегами.

Выбор пал на человека известного. Обладатель «золотой маски» и просто профессионал своего дела – российский режиссер-постановщик Владимир Бородин, который ставит спектакли по всей России, от Калмыкии до Камчатки. После общения с Тулпаровым он согласился приехать в Махачкалу и поработать с нашей труппой. Авторы произведения – Светлана Дружинина и Александр Борисов – взяли за основу два произведения русских классиков – Некрасова «Петербургский ростовщик» и Федорова «Аз и Ферд». Так и получилась версия для дагестанского зрителя «Женитьба гусара». Музыкальное оформление принадлежит Геннадию Гладкову – выдающемуся композитору, тому самому, который написал музыку для «Бременских музыкантов». Словом, в работе задействованы самые ЛУЧШИЕ. И процесс пошел.

С самого начала, рассказывает Владимир Бородин, приняли решение, что играть в этом музыкальном спектакле будут только самые молодые актеры. Всего 18 человек. Главных героев сыграли Александр Степанов и Алина Абдулганиева. Надо сказать, что девушка работает в театре всего год, и уже пробуется на очень серьезные роли. Ну и еще одна ключевая фигура, чья игра буквально покорила зал, – исполнитель роли отца девушки, ростовщика – Заслуженный артист Казахстана, лауреат государственной премии Константин Переверзев. Десять лет назад он приехал в нашу республику и с того времени обосновался в Дагестане, где работает в любимом театре. И вот новая роль, и снова восторг зрителей.

Сюжет произведения стар как мир. Бедный гусар влюблен в дочь ростовщика, но у него нет

денег, которые требует за руку и сердце Лизаньки ее отец; для него «деньги все, в том числе и счастье дочери, и он готов устроить его только с извлечением барыша». Бравые гусары смекалкой и весельем идут на всевозможные хитрости, и влюбленные добиваются своего. Но не все так просто. Ведь это водевиль. В течение всего спектакля исполнители поют, танцуют, ходят по залу и общаются со зрителем.

Что касается пения и танцев, учитывая тот факт, что с подобными нововведениями наши актеры сталкиваются впервые, то поначалу было тяжело. В помощь пригласили известного хореографа Майрам Казимову. Ежедневные репетиции дали результаты. На сцене девушки и юноши постоянно появляются, переодеваясь, в очень ярких одеяниях. Здесь есть и псевдоохотники, и ряженые кавказцы, разыгрываются хитроумные трюки, будто из современной жизни, доказывая, что любовь побеждает корысть. В общем, происходящее на сцене завораживает. Эти полтора часа пролетают столь незаметно, что хочется дальше смотреть и смотреть.

Отдельной темы заслуживают костюмы. Для мужчин классические костюмы гусар в своей мастерской шил известный дагестанский модельер Шамхал Алиханов. А пышные платья для «кисейных барышень» изготовили в цехах Русского драмтеатра, и руководила процессом супруга Владимира Бородина, приехавшая в Махачкалу вместе с мужем. Надо сказать, что во время премьеры чета Бородиных сидела в зале театра и внимательно наблюдала за всем происходящим на сцене и за реакцией зрителя. Ведь именно от этого зависит, обоснуются ли они здесь, увидят ли дагестанцы новые их постановки.

– Нам все очень понравилось, – после спектакля, когда зрители приветствовали актеров и долго их не отпускали, сказал Владимир Бородин. – Теперь работа будет идти и дальше. Из 36 лет работы в режиссуре последний год трудился в Калмыкии, где поставил 10 спектаклей. Теперь мы будем работать в Дагестане.

– Это, действительно, явление для республики, – говорит и Скандарбек Тулпаров. – Мы хотим расшевелить темпераментного, эмоционального дагестанского зрителя. Сам Бог велел, как шутят москвичи, внедрять этот старинный музыкальный жанр именно в Дагестане. Ведь это республика с интересной культурой, со своими традициями и обычаями, в которых огромное место отводится именно музыкальному жанру, который обязательно будет использоваться в будущих постановках.

Словом, планов на будущее много. И первый опыт доказал – ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ.

Казбек МИКАИЛОВ

Тетя Катя...

Когда после окончания Тбилисского госуниверситета я вернулся домой в Махачкалу, то попал в плотнозаселенную квартиру, с двумя проходными комнатами. В ней, кроме моих родителей, отца профессора Ш.И. Микаилова и матери Бараковой Марии Федоровны, жили еще: мой старший брат (от предыдущего брака моего отца) со своей молодой женой, моя сестра Райханат (для близких – Кисана), которая тоже окончила тот же Тбилисский госуниверситет в том же 1961 году, но приехавшая домой на месяц раньше меня, и моя двоюродная сестра Ума, которая, окончив Буйнакский финансовый техникум, работала в каком-то магазине в Махачкале. Жили в тесноте. Сказать, что «в тесноте, да не в обиде», было бы нечестно. Случались конфликты (между молодежью, в основном) и в нашей семье. Но их быстро гасили мои родители. В этой квартире я, кстати, впервые увидел туалет.

Забытый нынче керогаз

В летнее время Кисана и Ума устраивались ночевать на балконе, а вот в дождливую погоду и в холодное время года девушки устраивались где-то в комнатах. На полу расстилали свои матрасы. И я спал почти всегда на полу. Постоянную свою кровать с постелью я получил только, когда поступил в Тбилисский госуниверситет, и прожил в общежитии целых 5 лет. Даже когда наша семья получила более просторную квартиру из трех комнат, я все равно спал на полу – постоянные гости, кунаки, старшие родственники…

А жила еще у нас и кухарка-повариха. Никаких работ по дому, кроме кулинарных забот, у нее не было. Полное ее имя было Екатерина Лаврентьевна Кузьминская, но все, включая и родителей моих, обращались к ней «тетя Катя». Специальности у нее никакой не было – с молодых лет она «служила в Вильне» (как она называла Вильнюс) в семье какого-то офицера то ли польской, то ли литовской армии, но после войны попала в Буйнакск, где жила ее двоюродная сестра, у которой она и прижилась. Помню, что тетя Катя получала 150 рублей в месяц, плюс харчи, ночлег, какая-никакая, но одежда от моей мамы, обувь. Нет, это не было рванье, которое относят в мусорный ящик. Просто ношеные вещи, которые имели вполне приличный вид. Их отдавала тете Кате моя мама, когда покупала себе какую-нибудь обнову. Она ведь получала очень приличную зарплату как заведующая отделом детских садов, детских домов и школ-интернатов в Институте усовершенствования учителей. А на эту должность ее приглашали, когда она работала еще директором детского дома №3 в гор. Буйнакске.

Тетю Катю моим родителям рекомендовал кто-то из знакомых по Буйнакску, у которых, как она всегда говорила, «служила» несколько лет и, по словам этих знакомых, чудно готовила. Мои родители больше заняты были своими научными и педагогическими делами, а потому в услугах кухарки они по-настоящему нуждались. Они ее пригласили к нам. Тетя Катя с удовольствием приняла их предложение и через час-полтора уже ехала со своими нехитрыми пожитками в такси вместе с моими родителями к новому месту работы – к нам домой в Махачкалу. Место для ночлега тетя Катя выбрала себе сама. Она сказала: «Ночевать я буду на кухне, тахта здесь мягкая, да и вещички свои я буду хранить здесь же в сундуке, что под тахтой. А у вас, наверное, и гостей бывает много,

чего же я буду мешать?». Очень разумно рассуждала тетя Катя. Ни о каких газовых плитах, конечно же, в 50-е годы и речи не было. Мы даже не знали об их существовании. А готовили на кухне на обычных керосинках. Примусов, правда, у нас почему-то не было. Зато были еще две электроплитки и только-только появившийся в 50-е годы электрочайник. Да не просто электрочайник, а со свистком: когда вода в нем закипала, пар вырывался, свистя во всю мощь. А с ноября-декабря у нас начинался отопительный сезон. Для этого на кухне топили печь дровами, пилить и колоть которые входило в мою обязанность.

Голландская печь

В одной из комнат была установлена голландская печь, высокая, чуть ли не до потолка, специально для обогрева обеих комнат. И кухонную печь, и голландку полностью обслуживал я, вместе с отцом мы пилили дрова на общедворовых козлах, потом я распиленные чурбаки колол на поленья и относил в сарай, где и складывал их в высоченную поленницу. Так что с ноября по март никаких керосинок и керогазов с электроплитками и электрочайниками нам не требовалось. Готовили на печке в кухне, а комнаты обогревались голландской печью.

Тетя Катя раз в год получала месячный отпуск. К отпускным (а это уже не 150 рублей, а 200) она получала еще нечто вроде «премиальных», а это еще 150 рублей. Но у тети Кати был грешок – как получит зарплату, так обязательно купит себе «бутылочку». Нет, она совсем не была пьяницей, но по какому-то невесть откуда взявшемуся обычаю она обязательно «с получки» покупала себе «бутылочку». Так любовно она называла «четвертинку» водки («бутылочка» вмещала в себя ровно 250 граммов «жидкости»). Когда семья «отобедает-отужинает», тетя Катя убирала все со стола. А уж потом, когда перемоет и вытрет, сложит всю посуду как надо, вынимала откуда-то из укромного местечка свою «бутылочку» и начинала помаленьку из нее наливать себе в рюмку. Так она постепенно выпивала всю эту «бутылочку» до дна. А уж выпив (предварительно тетя Катя очень предусмотрительно стелила себе постель), начинала петь. Что она пела? Да какую-то ерунду, а из одной ее «песни» я запомнил лишь одну строчку: «… А смерть придет, помирать будем». Трогательный текст, не правда ли? Родители мои никогда никаких замечаний ей по этому поводу не делали. Она никому не мешала. Отпуск у тети Кати начинался обычно в начале июля, а кончался к исходу августа. Отвозил ее в Буйнакск обычно я. Целыми днями я болтался летом на море с приятелями. Отца летом, как правило, не бывало – он всегда в летнее время с начала июня уезжал в горы собирать, как говорят ученые-гуманитарии, «полевой материал» для своих капитальных исследований по аварской диалектологии. Все аварцы в разных селениях говорят по-разному, а вот в чем эта разница между аварскими говорами заключается, никто не знал.

И вот Шигабудин Микаилов взялся за это очень трудное дело (я не говорю здесь о лишениях бытового, транспортного характера – на это не обращал никакого внимания – трудно было отграничить речь жителей этого села от речи жителей соседнего села, хотя, казалось бы, и те, и другие говорят на одном языке. Но Ш.И. Микаилов все-таки улавливал различия в речи жителей даже соседних аварских селений. Так он объездил на грузовых обычно машинах, на лошадях (а наездник он был превосходный, чему его обучили в школе юнкеров еще в Темир-Хан-Шуре, будущем Буйнакске), а порою и пешком, когда у него

просто не было лошади, что и позволило ему глубоко обследовать речь жителей более чем двухсот (!!!) аварских населенных пунктов (что немыслимо себе представить в условиях почти полного бездорожья в 30-е, 40-е, 50-е, а то и в 60-е годы). И он таки довел свой труд до логического конца: при жизни смог издать лишь три книги. Все книги – это капитальные исследования, получившие оценку специалистов-кавказоведов как в СССР, так и в странах Западной Европы, таких, как Голландия, Норвегия, Франция, Великобритания, Италия, Испания. А что именно заинтересовало в трудах Ш.И. Микаилова итальянских и испанских языковедов? А то, что итальянцы не знают происхождения этрусского языка, а испанцы – баскского. Теперь вот он занялся и баскским. Пара словарей у меня есть – прислали из Бильбао.

Когда тетя Катя возвращалась из Буйнакска, она выглядела какой-то исхудавшей, потемневшей. Но через неделю отъедалась и чувствовала себя очень даже неплохо. Постоянным гостем в нашем доме был Народный поэт Дагестана знаменитый Расул Гамзатов, который был учеником моего отца еще по Аварскому педучилищу в Буйнакске в 1938-1940 гг. Когда Расул Гамзатов приходил к нам (раз в неделю обязательно), моя мама принималась готовить сама. Блюда тети Кати не отличалась изысканностью. Ну, посудите сами. Тетя Катя везде и во всем старалась экономить, хотя у нас в экономии не было какой-то необходимости. Однажды летом она принесла с базара килограмм или два кильки. Дешевка! Но не это главное. Тетя Катя провернула всю эту килечную массу через мясорубку. А из полученного «фарша» принялась готовить… котлеты. Мы с Кисаной как раз были дома. Мама на работе. Отец еще не уехал в горы и должен был, как и мама, вернуться после 5 часов пополудни. Жарит, значит, тетя Катя свои котлеты из килечного фарша. Такой запах пошел от этой гадости. Да не запах, а страшная вонь. Мы с Кисаной говорим ей: «Что вы делаете, тетя Катя? Кто же делает из кильки котлеты?!». Она отвечает нам: «Вы молодые еще, ничего не понимаете, а вот папа с мамой придут, попробуют и еще попросят». Но вонь была такая, что пришли одни соседи, другие. Спрашивают: «Что у вас здесь творится? Вонь на весь двор идет!». Тетя Катя вежливо так отвечает им: «А это рыбные котлеты. Замечательное блюдо. И дешевое, главное!». Те снова ей твердят: «Да разве из рыбы котлеты готовят? Вы не понимаете, что подняли страшную вонь, что обвоняли дома всех соседей, и в подъезд войти невозможно?» – «Что вы понимаете в рыбных котлетах? Я ведь ничего не говорю вам, когда вы начинаете варить свое сушеное мясо. А ведь такая вонь поднимается, что хоть святых выноси. Но я же молчу и слова поперек вам не говорю. Да и хозяйка наша, Мария Федоровна, как начнет варить свою шурпу с фасолью и сушеным мясом, или с хинкалом каким-нибудь, тоже вонь идет страшная. Я ее и на дух не переношу, но ведь терплю».

Но вот удивительная вещь. На нашей лестничной площадке в квартире рядом жила семья Пукштисов. Они были латыши. И он и она работали в Отделе почвоведения того же Дагфилиала АН СССР. Как попали в Дагестан, я не знаю. Была у них и дочь – Элла Пукштис, которая была моей одноклассницей. Вся их семья была на тот момент дома. Мама-Пукштис даже за головкой лука приходила к нам за час до появления «запашка». Так вот они, культурные вроде были люди, раньше никак не реагировали на кулинарные упражнения тети Кати. Это теперь я понимаю, что у себя в Прибалтике они из рыбы и не такое едали. Ведь рыба там у них является едва ли не главным пищевым продуктом. Но запах рыбных котлет привел в ужас и маму-Пукштис и Эллу. Но наша тетя Катя и им нашла, что ответить. Вежливо, конечно, но с чувством превосходства.

А тут и родители наши подошли один за другим. Каждый за нос хватается: «Что здесь творится? Откуда эта вонь?». Мы с Кисаной показали на тетю Катю и ее стряпню. Родители спрашивают: «Что вы делаете, тетя Катя?». – «А это котлеты из фарша килечного. Знаете, Мария Федоровна, Шигабудин Ильясович, какая экономия получается? Вы представить себе не можете – в три раза дешевле мясных котлет! Я вот

помню, как в Вильне я готовила котлеты из салаки, это у них рыба такая, вроде селедки. Так мои хозяева ели и похваливали. Да еще добавки просили»... Но отец отрезал: «Знаете что, тетя Катя, мы живем не в Прибалтике, а в Дагестане, где рыба вообще не в чести. Пожалуйста, отнесите все, что вы нажарили-напарили из этой кильки во двор и где-нибудь за сараями аккуратно положите на газету. Может быть, кошки или бездомные собаки поедят. Хотя я сомневаюсь в этом. А экономить в нашем доме ни на чем не нужно. Деньги у нас есть, так что извольте покупать на базаре самые лучшие продукты». Тетя Катя покачала головой, но все это «добро» отнесла все-таки куда-то на задний двор. Странно, но ни кошки, ни собаки так и не притронулись к этому ее «продукту». Потом дворничиха свалила все это в мусорный ящик, над которым потом долго вились мухи.

А мои родители стали чаще ходить на базар сами. А тетя Катя варила обычно борщи, иногда суп с фрикадельками, который я называл «суп с крокодилками». Готовила она посредственно, я бы ее блюд вообще не ел, но выхода не было – ел. А в общем-то, готовила наша мама. Отменно готовила.

Еще через год тетя Катя уволилась. Она просто уехала. Когда мы с женой ездили в Буйнакск навестить своих родственников, то обязательно заходили к тете Кате. И обязательно привозили ей продукты, давали и деньги. Немного денег, но для нее этого было достаточно. А я непременно привозил ей еще и ее «бутылочку», которой она всегда была очень рада. И пела при нас: «… а смерть придет, помирать будем». А однажды, когда мы, как обычно, решили зайти к ней, услышали от ее соседей, что тети Кати больше нет – уже месяц, как ее похоронили. Нам было по-настоящему горестно. Мы ведь привыкли к ней, как к своей родственнице.

Правда, тогда уже и отца нашего не было в живых. Он умер на 65-м году жизни. Его просто довели до смерти. На работе. Конечно, если бы директор Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР предвидел бы, чем может обернуться его отношение к самому выдающемуся из ученых-гуманитариев Дагестана,

он, конечно же, так не поступил бы. Но предвидеть такую тяжелую реакцию выдающегося ученого на его неприличный поступок директор все-таки мог. Директор института и профессор все-таки. А просьба Ш.И. Микаилова была очень простой и непритязательной – издать, наконец, три тома (каждый по 600-700 машинописных страниц) «словарей по южноаварским диалектам и говорам», издать, наконец, уникальный в мировой практике (я не преувеличиваю, а говорю это с хорошим знанием дела, как профессиональный лингвист-кавказовед) «Диалектологический атлас аварского языка», которым восхищались грузинские и московские лингвисты-кавказоведы. Но ему было отказано в грубейшей форме. Хотя издание это принесло бы славу дагестанскому языкознанию. При этом «диалоге» у Ш.И. Микаилова случилось обширное кровоизлияние (инсульт). Его кое-как довели (персональный автомобиль директора так и остался стоять у входа в институт) до дома. Войдя в квартиру, он, большой, высокий, рухнул, как подкошенный дуб. Упал замертво. Хоронили его через два дня. Директора не было. Он прожил 95 лет. Интереснее всего, что и последующие директора находили и находят причины, чтобы не издавать трудов Ш. Микаилова. А мы еще много говорим о финансировании фундаментальных исследований в любой области знания. Правильно писал Александр Блок в своем стихотворении: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, // С раскосыми и жадными очами!».

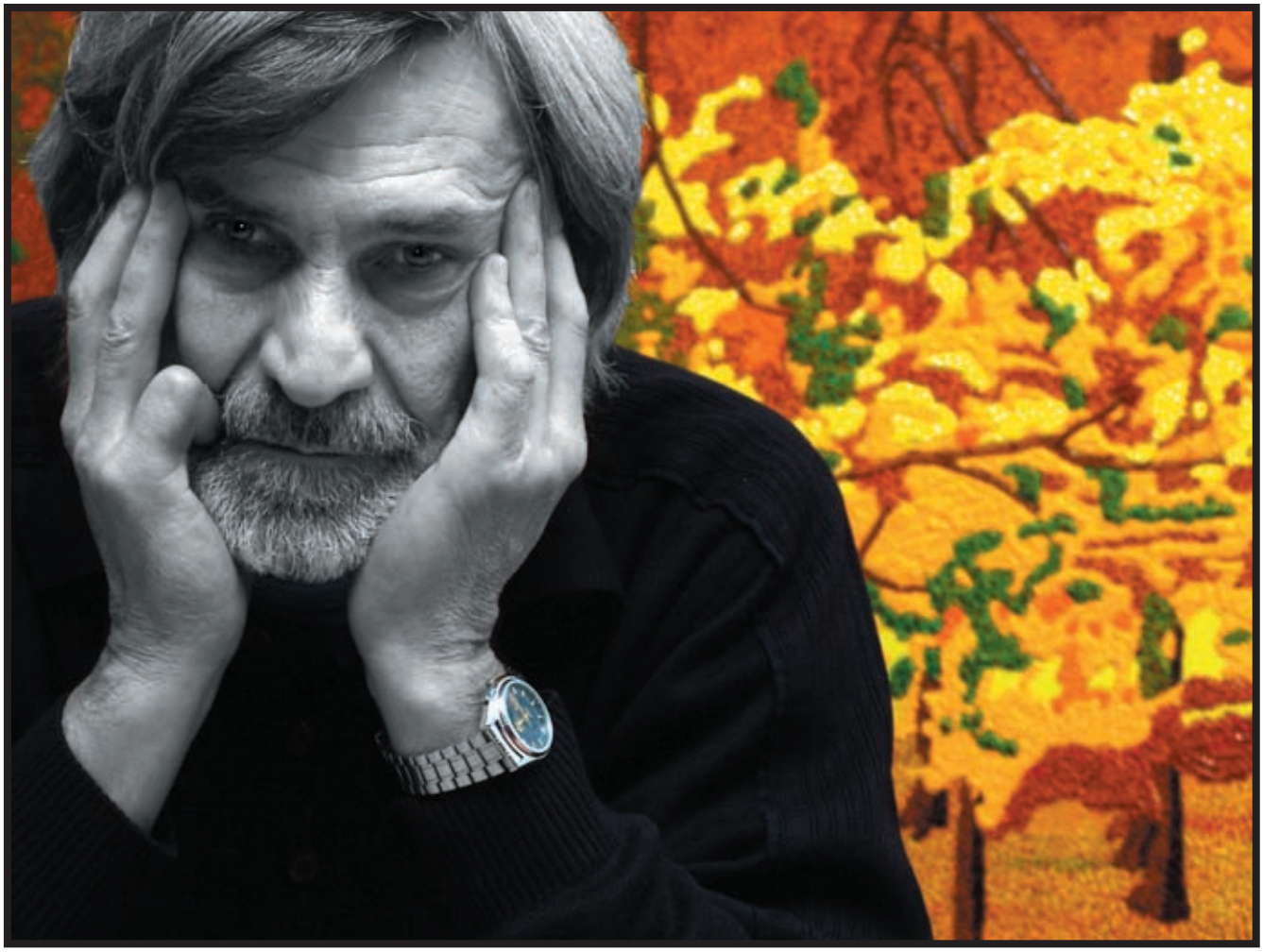
Влада БЕСАРАБ

Этого я и боялась...

Этого-то я и боялась. Того, что когда-нибудь именно мне придется писать о нем… уже без него. Лель Иранпур – художник, интеллигент, очень открытый, светлый, солнечный человек, мой друг – умер.

Даже когда он разменял седьмой десяток, все, начиная от друзей-ровесников и заканчивая соседскими подростками, называли его просто «Лель». Так его называла в детстве мама, художница Гюлли Иранпур (Ольга Васильевна Берг), так он сам себя называл, так подписывал свои картины. Не то чтобы ему не нравилось его «настоящее», паспортное имя – Ормузда Фаррухович Иранпур-Берг-Зейналов, но «Лель» звучало как-то уютнее и нежнее. «Я родился в первый день весны (*21 марта, в день весеннего равноденствия)* и меня назвали «Охурамаздр», по-русски – «Ормузда», в честь зороастрийского бога весны, а Лель – певец весны у славянских народов, поэтому у меня два имени», – объяснял он.

Его настоящее имя знали немногие. Мой сын и вовсе звал его просто «дед-художник». Когда-то, когда мне было меньше лет, чем сейчас моему сыну, мы были соседями по дому. Во дворе его тоже звали «художником». В моем детском представлении «художник» должен был выглядеть именно так – высокий, стройный, всегда одетый с иголочки, но с гривой длинных волос,



такая легкая небрежность, придающая всему образу загадочность, как и стремительность движений – он всегда куда-то спешил. Впрочем, всегда находил время, чтобы перекинуться хотя бы парой слов с соседями, смотрел на всех своими невероятно яркими синими глазами откуда-то сверху, но никогда – свысока. За эту открытость, простоту, легкость в общении его любили. Тогда он еще не был «дедом». Еще не ссутулился, не поседел… Говорят, такие же синие глаза были у его матери. О ней я узнаю много позже, уже будучи журналистом. Прочту ее рукописи со стихами и воспоминаниями. Многое пойму – об искусстве, истории, непредсказуемости человеческой судьбы и о нем, Леле. Пойму, почему он так выделялся, так притягивал к себе внимание, так говорил, ТАК писал…

Он родился в 1940 году, в Тегеране. Его мать, Ольга Берг – москвичка, дочь художника Василия Берга, вышла замуж за Фарруха Зейналова – иранец по происхождению, он был родом из Дагестана. В конце 1930-х иранцев из советской России высылали. Когда они переехали в Иран, Ольге Берг пришлось поменять имя, так она стала «Гюлли Иранпур». «Зять шаха, то есть муж его сестры, был своего рода министром культуры Ирана, он держал мастерские, развивал как древние, традиционные, виды искусства, так и современные». Мама работала в этих мастерских при Дворце наук, делала много скульптуры и до переезда в СССР мы с ее выставками почти год путешествовали по всей Европе», – рассказывал Лель Иранпур. В СССР они приехали в 1958, когда семью в очередной раз выслали – на этот раз из Ирана.

В Махачкале Гюлли устроилась декоратором, а Фаррух Зейналов – инженер-химик – стал работать в дагестанском филиале Академии наук, заведовал лабораторией. Лель устроился в Даггоссельпроект чертежником (в Тегеране он учился на курсах черчения и прикладного искусства при Дворце наук), поступил на факультет иностранных языков в ДГУ. Учиться было легко, язык он знал прекрасно, поскольку закончил французский колледж в Тегеране. Знание языков будет выручать его не раз: смеясь, он рассказывал, как именно безупречный французский на два с половиной года обеспечивал ему роль французских партизан на сцене Русского театра.

А в 90-е, когда дагестанские «челноки» (Лель называл их «купцами») потянулись за границу за товаром, он сопровождал группы в Иран в качестве переводчика. Но это все будет потом, а тогда, в 1958, Махачкала встретила долговязого юношу в лаковых туфлях и узких брюках неприветливо: «Все вокруг смотрят косо и называют меня стилягой. А тут еще моя привычка целовать дамам руки… В Махачкале это воспринималось как вызов. Девушки краснели, вскрикивали «нахал!» и руку отдергивали. А обо мне за глаза так и говорили – «ууу, это тот идиот, что руки целует!». Костюм и туфли Лель вскоре сменил, а вот привычку

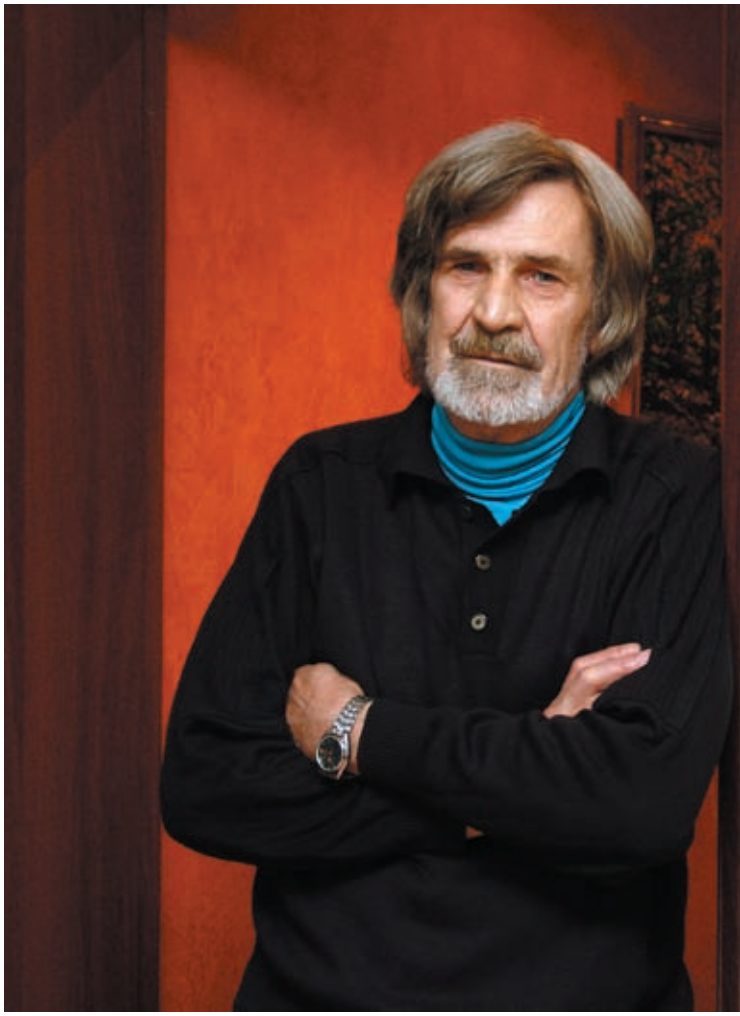
целовать руки дамам сохранил на всю жизнь. И я больше не знаю никого, у кого это получалось бы по-настоящему галантно, без манерничанья и пошлости, абсолютно естественно…

Публиковать интервью с ним я не любила, это было ужасно – выбирать из многочасовых бесед то, что втиснется в выделенные газетой полполосы или полосу. Столько интересного, умного, тонкого, смешного – столько важного оставалось в черновиках, в памяти… И всегда казалось, что вот в следующий раз обязательно напишу и спрошу еще о многом, и картину куплю.

Последние годы Лель много работал, выставлялся. Этому предшествовал долгий перерыв. В 60-е, 70-е и 80-е он был востребованным художником – участвовал в выставках, получал заказы, его работы пополняли музейные фонды. Тогда он занимался прикладным искусством, что не случайно: «В Тегеране я часами простаивал у ювелирных лавок, смотрел, как работают мастера, какие у них инструменты. Потом, когда я стал заниматься ювелирным делом, эти впечатления пригодились, а когда нужных инструментов не было, я их сам себе придумывал. И в Союз художников вступил как ювелир-филигранщик». Особенно известны чеканки работы Леля, занимался он и резьбой. Резные двери Дагестанского музея изобразительных искусств им. П. Гамзатовой – его работа, как и двери музея в Кизляре – там уже резьба по гянчу. А потом пришла перестройка, 90-е годы, нужно было зарабатывать, кормить семью…

Он был почти уверен, что к творчеству не вернется. Очень радовался, что ошибся в таком прогнозе, и подчеркивал, что это заслуга жены Светланы. Это она вернула Дагестану художника Леля Иранпур. А он «открыл» ее – много лет она была лишь «теоретиком» от искусства, выступая в качестве эксперта-искусствоведа, а потом взялась за кисть. Ее пейзажи и натюрморты такие лирические, спокойные, светлые, как песня сказочного Леля – божества весны. Арт-салон, который Светлана и Лель открыли в 2009 году, они так и назвали «СветоЛель». Помогали друзьям-художникам, продавая их работы, консультировали.

Просто рисовать Лелю было неинтересно, он обязательно должен был экспериментировать, искать, изобретать. Придумал пуантомозаику. От традиционного пуантилизма *(букв. «пишу точками», вид живописи, при котором изображение на картине составляется из отдельных мазков-точек)*



эта техника отличается тем, что краска наносится на холст не кистью, а прямо из тюбика, маленькой каплей. На один квадратный сантиметр полотна их приходится 130–140, а то и 160. Изображение получается четким, даже выпуклым, но при этом можно передать все оттенки цвета, полутона и тени. Над «Осенней сказкой» (2006) Лель работал полгода, в ней около 1600000 точек-капель. Труд титанический, к тому же для зрения очень вредно такое перенапряжение. Светлана переживала, ворчала, а Лель улыбался и продолжал составлять из своих точек-капель новые полотна. Он любил яркие, сочные цвета, поэтому писал много осенних и летних пейзажей, все очень разные, сверкающие, теплые. А в прошлом году я пришла к нему в гости и увидела на холсте зиму. Много-много оттенков белого, прозрачный лед, застывшие деревья, оцепенение и холод. Это было так на него не похоже.

Говорят, человек не умирает, пока жива память о нем. После художника остаются его работы. Значит, он бессмертен.

Анжи – новая история!!!

Нынешнее участие в групповом этапе Лиги Европы – первое для нашего клуба в его истории. В 2001 году команда участвовала в Кубке УЕФА (предшественнике Лиги Европы), но в единственном матче, который прошел в Варшаве, проиграла шотландскому «Глазго Рейнджерс» (0:1), который в то время возглавлял голландец Дик Адвокат, позже тренировавший сборную России и петербургский «Зенит».

Но кто бы мог подумать, что через 11 лет его не менее именитый земляк Гус Хиддинк сотворит маленькое чудо. Ибо этот сезон под руководством мудрого голландца войдет в историю «Анжи», как минимум, по четырем причинам.

Причина № 1. «Анжи» впервые в своей истории стал единоличным лидером в первенстве страны. После 10-ти туров мы занимаем первое место. Ранее мы дважды были в таблице вторыми. В сезоне-2000 – после 12-14-го туров. Правда, нельзя не отметить, что тогда анжиевцы провели на один матч больше, чем «Локомотив». А во второй раз это произошло недавно, когда после 9 туров «Анжи» уступал только ЦСКА. Наша дружина играет на всех фронтах почти четыре месяца. Нельзя сказать, что всегда феерично. Но, как видим, ровнее и удачливее других. Это и отличает «Анжи» от других прежних лидеров.

Причина № 2. Мы вышли в групповой этап Лиги Европы, чего тоже никогда не случалось.

Причина № 3. **Международная организация IFFHS опубликовала обновленный рейтинг 400 лучших клубов мира.** Клуб «Анжи», пробившийся в групповой турнир Лиги Европы и на данный момент занимающий первое место в чемпионате России, набрал 133,5 очка и поднялся с 95-й позиции на 72-ю. Таким образом, махачкалинская дружина признана лучшим клубом России.

Из сотни лучших клубов вылетел петербургский «Зенит» (117 очков), неудачно стартовавший в Лиге чемпионов. «Сине-бело-голубые» переместились с 75-й на 105-ю позицию. Свои позиции в рейтинге так же потеряли московский «Локомотив» (102,5), который переместился с 117-й строчки на 148-ю, казанский «Рубин» (119) – с 83-й на 95-ю, столичный ЦСКА (102) – со 138-й на 151-ю. Рейтинг IFFHS: 1 (1) «Барселона» (Испания) – 343 очка; 2 (2) «Университдад де Чили» (Чили) – 300; 3 (4) «Бока Хуниорс» (Аргентина) – 286; … 72 (95) «Анжи» (Россия) – 133,5; 95 (83) «Рубин» (Россия) – 119; 105 (75) «Зенит» (Россия) – 117.

Причина № 4. Махачкалинский Анжи, идущий без поражений, только на конец сентября принес в рейтинговую копилку нашей страны уже девять очков. И это при том, что команда не получала никаких бонусов, в отличие от «Спартака» и «Зенита», провально выступающих в Лиге чемпионов. Вклад (очков) клубов в рейтинг России: Анжи – 9, Спартак – 5,5, Зенит – 4, Рубин – 3, Динамо – 2, ЦСКА – 1.

Коротко о команде

Хочется отметить, что в Анжи очень удачно собран коллектив. Раскрываются молодые россияне – те же Логашов и Шатов, а качественные легионеры только улучшают ситуацию. Если приезд Халка и Витселя в «Зенит» стал своеобразной пачкой дрожжей, брошенной в известное всем место, то приезд Диарра в «Анжи» оказался клеем, который склеил конструкцию. По слухам, договориться с Лассом удалось во многом благодаря связям Роберто Карлоса. До перехода Халка и Витселя самой дорогой покупкой в нашей Премьер-лиге был Ласина Траоре. А

и без того неплохая атака «Анжи» получила пополнение в лице Федора Смолова. в Махачкале его игра засверкала новыми красками. Слишком запутанной выглядела ситуация с Никитой Бурмистровым, нападающим, который доселе выступал за «Амкар». Успешное начало нового чемпионата помогло обратить на него внимание представителей «Анжи».

Нетрудно догадаться, какие в клубе расставлены приоритеты. Понятно, что они акцентированы на выигрыши во всех турнирах, в которых участвуют. В любом случае они определяют для «Анжи»: надо так «выстрелить» в Европе – чтобы прославить Дагестан. Но, с другой стороны, местных игроков в команде не так уж много. Для Это'О или Диарра дойти до полуфинала или финала – в порядке вещей. А вот для Гаджибекова и Тагирбекова, для Логашова и Шатова это очень серьезная задача. В то же время они, наверняка, задумываются о чемпионстве, поэтому такие игры, как с «Янг Бойз» и подобными клубами им только помогут. Конечно, они обыграли не самые сильные клубы Европы, но эти команды были в верхней части таблицы своих чемпионатов.

Впереди у «Анжи» пять сложных матчей: 3 ноября: Анжи – Терек; 8 ноября: Анжи – Ливерпуль; 11 ноября: Локомотив – Анжи; 22 ноября: Анжи (Россия) – Удинезе (Италия); 6 декабря: Янг Бойз (Швейцария) – Анжи (Россия), в которых решится очень и очень многое. Пожелаем нашему клубу только побед!!!

О том, что рядом…

На пресс-конференции по итогам заседания исполнительного комитета УЕФА, состоявшегося в Петербурге, генеральный секретарь этой организации Джанни Инфантино заявил, что в настоящее время невозможно снять запрет на проведение еврокубковых матчей «Анжи» в Дагестане, но не исключил, что это будет возможно в будущем. «Поэтому мы просим «Анжи» проводить игры в другом месте – например, в Москве. Но мониторинг продолжается. Если мы получим информацию, что ситуация нормализовалась, то пересмотрим собственное решение». Полагаю, что признание «Анжи» лучшим клубом России и его дальнейшие успехи дадут основания УЕФА для пересмотра своего решения. А к этому времени, иншаллах, будет готова и «Анжи-Арена». К тому же лучший бомбардир Лиги Европы – Самуэль Это'О (Анжи) – 7 голов, у остальных 6 и меньше.

Три игрока сборной России по футболу – защитник ЦСКА Сергей Игнашевич, вратарь «Анжи» Владимир Габулов и полузащитник «Зенита» Роман Широков – на свои средства построили в селе Великом поле для мини-футбола. Теперь юным футболистам из Великосельского детского дома есть где отрабатывать свою технику.

10 октября начался так долго ожидаемый просмотр и отбор юных футболистов в детско-юношескую академия ФК «Анжи». Мероприятие проходило в два этапа. Первый с 10 по 17 октября, второй с 18 по 25 октября. О подробностях рассказывает заместитель генерального директора клуба Нарвик Сирхаев.

– Верно ли, что в качестве спортивного директора академию возглавит известный голландский специалист Йелле Гус?

– Совершенно верно. С ним подписан контракт. Фактически он будет жить и работать в Дагестане. Йелле Гус будет участвовать в отборе ребят, за ним окончательное слово в спорных моментах, он опытный человек, работал в сборной Эстонии, в ЦСКА, и в других командах.

– Какое участие в работе академии будет принимать руководство «Анжи»?

– Самое прямое. Академия будет находиться на балансе клуба.

– Как решаются ее кадровые и организационные вопросы?

– Не скрою, открытие академии влечет разнообразные проблемы, но не сомневаюсь, что все они будут поэтапно решены. На данный момент уже готовы два поля – натуральное и искусственное. Планируется создать еще 2 больших искусственных поля и мини-поле. Тренерский штаб уже подобран. Параллельно подбирается административный состав.

– Сколько ребят будет отобрано в академию?

– Окончательное число точно назвать еще не могу, но пока – до 120 мальчишек. На первом этапе мы просмотрели шесть возрастов. Но в дальнейшем число возрастов будет расти. У каждой возрастной группы будет два тренера. У академии также имеются тренер-селекционер и тренер по работе с вратарями. Система будет организована так, что если в любом уголке Дагестана обнаружится талантливый мальчик, его непременно просмотрит наш селекционер, и при подтверждении одаренности мальчишка поступит в академию. В ее рядах будет происходить постоянная ротация.

– Планируется ли открытие филиалов академии в городах Дагестана?

– Давайте сначала наладим работу. В дальнейшем в наши планы действительно входит открытие филиалов.

– А где будет находиться академия?

– На территории «Анжи-арены». Под академию отведены 3 этажа в подтрибунных помещениях, тренажерный зал, раздевалки, медицинская комната, административные помещения, включая методические кабинеты, где будут проходить теоретические занятия. Все условия для качественного тренировочного процесса, восстановления и лечения в академии будут созданы.

– «Анжи-арена» находится за городской чертой. Как мальчишки будут туда добираться?

– Для тех, кто не сможет добираться сам или с помощью родителей, будет организована доставка «академиков» на специально приобретенных микроавтобусах. Скоро вы их сами увидите на улицах города.

– Как осуществлялся отбор мальчишек?

– Это легко понять на примере мальчишек одного года рождения. Скажем, 1996 года. Первый отбор проходил 10 октября. После отбора определенного числа ребят, произошел отсев, после чего повторный просмотр был уже осуществлен при непосредственном участии Йелле Гуса. В день просматривалась одна группа. Понятно, что желающих было очень много. Но шанс получил каждый.

– Можно ли надеяться на высокое качество тренировочного процесса?

– Конечно. Все необходимое есть: инвентарь, добротные условия, клубная экипировка. Мальчишки будут регулярно участвовать во внутрироссийских и международных соревнованиях. Также мы планируем выезжать в другие школы для получения необходимого опыта, в том числе и за рубеж.

– Реконструкция «Анжи-арены» продолжается, не помешает ли это работе академии?

– Нисколько. Поля для тренировок готовы, проводить на них занятия строительство не мешает.

Подготовил Заур ЗУГУМОВ

Магомед-Расул

В ЧЕМ ПОЭЗИЯ ПРОЗЫ?

Беглые заметки по страницам книги К. Абукова «Зов разлученной птицы»

Давно вынашивал мысль написать о прозе Камала Абукова не ко дню рождения или юбилейного вечера, как это у нас принято, а по велению души, когда ты, оставшись наедине, делишься с самим собой, радуясь за друга и находя в этом удовольствие. Откровенно говоря, меня и раньше не устраивали юбилейные статьи, напоминающие елейные тосты за столом. Как ни досадно, мы подвержены двум крайностям: то возносим до небес коллегу, то разносим его в пух и прах. У меня с Камалом тоже не раз случалась не во всем объективная перепалка, хотя мы оба, как мне и по сей день кажется, были искренни в своих суждениях. Но при этом упускалось главное: в чем же своеобразие, отличие, достоинства и недостатки прозы Камала в сравнении с прозой Магомед-Расула? Как и авторами юбилейных статей, нами не затрагивались вопросы национального колорита прозы, своеобразия стиля, эмоциональной заряженности автора.

Мне бы хотелось привлечь внимание читателя к тем выдержкам из произведений Камала, которые позволяют судить о нем как об оригинальном авторе в дагестанской литературе.

Чем прельщает меня проза Камала? В чем ее художественные достоинства?

Повесть «Зов разлученной птицы» начинается так:

«В ту июльскую ночь мы с отцом поливали кукурузу на приусадебном участке. Бледная, предрассветная луна серебрила верхушки деревьев, освещала стену дома и скирду сена, сложенную на крыше хлева.

Аул спал сладким в предутренней прохладе сном, в дремоте умолкли и бдительные собаки. Царило вокруг тоскливое, тревожное безмолвие. И вдруг в этой чуткой тишине раздался печальный крик неведомой птицы. Глухой, отрешенный. В голосе птицы слышалась мольба.

– Что за птица? – спросил я у отца.

Отец застыл в глубоком раздумье, опершись на черенок лопаты, и тихо произнес:

– Птицу эту никто не видел, сынок. И говорят: это и вовсе не птица, а девушка, разлученная с возлюбленным…»

Художественная проза в основе своей состоит из подробностей, деталей, мелочей, незаметных и незначительных на первый взгляд, но существенных для определения самой сути произведения. Грамотно писать, увлекательно пересказывать чередующиеся события в наши дни может чуть ли не каждый; заострить внимание на какой-то кажущейся мелочи и сделать это ненавязчиво, будто ничего необычного в этом нет, удается редко кому. Этот дар и определяет уровень художника слова.

Всего одна фраза о бледной предрассветной луне, которая серебрит верхушки деревьев и освещает скирду сена на крыше хлева, и – какая выразительная и запоминающаяся картина сельского быта! А аул,

уснувший сладким сном в предутренней прохладе, бдительные собаки, умолкшие в дремоте, тоскливое и тревожное безмолвие вокруг и в этой чуткой тишине глухой, отрешенный и печальный крик неведомой птицы – кого оставит равнодушным, не настроив на что-то неожиданное и задумчивое!

Дело не только в том, как живописует автор, но и в его эмоционально-духовном настрое, который передается читателю, приковывая его внимание к сказанному и предстоящему сказаться слову. Не в этом ли поэзия прозы?

В прозе всегда важна первая фраза, первые абзацы, страницы.

Вот как начинается рассказ «Он не мог иначе»:

«**Зайбулла, протерев рукой запыленное стекло машины, смотрел на раскинувшиеся вдоль дороги дубы, с ветвей которых свисали стебли дикого винограда. На фоне леса иногда выплывали лужайки, словно лучи солнца, пробивающиеся сквозь сырые облака. Но взгляд Зайбуллы лишь скользил по пестрой мозаике осени, а мысль, словно сверлящий бурав, входила все глубже и глубже. А думал он весь день об одном и том же – телефонном разговоре с родственником Рукият**».

Дело не только в том, что мы сквозь «**запыленное стекло машины**» воочию видим «**раскинувшиеся вдоль дороги дубы, с ветвей которых свисали стебли дикого винограда**» и «**на фоне леса иногда выплывали лужайки, словно лучи солнца, пробивающиеся сквозь сырые облака**», все это так запечатлеть может только тонкий художник, но и в том, вернее, даже более в том, что все это органически связано с внутренним миром героя, взгляд которого скользил «**по пестрой мозаике осени, а мысль, словно сверлящий бурав входила все глубже и глубже**».

Обычно мы, писатели, стараемся подробно описывать красоты природы и, посчитав свой долг выполненным, в тех же подробностях расписывать деяния лирического героя. Но мы даже вопросом не задаемся, зачем нужно было тратить время на описание той или иной окружающей среды, если она не имела ни в тот момент, ни в дальнейшем для героя какого-либо значения. Это во-первых.

Во-вторых, с технико-теоретической точки зрения современные писатели стали более подкованными, и они знают, что с чем нужно связать, как строить сюжет, каким должен быть подтекст концовки рассказа или повести…

Но, как и следовало ожидать, этот «профессионализм» не трогает душу читателя, не производит впечатления правдивости и гармоничности происходящего.

Герой же Камала, как и сам автор, – родное дитя естественной природы, питающийся ее дарами, как ребенок молоком матери.

Известно, как много работал Л.Н. Толстой над началом рассказа, повести, романа, как беспощадно сокращал начало рассказов А.П. Чехов, избегая лишних слов и пояснений.

Хрестоматийными стали первые фразы романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»; рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой»: «Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой».

Примеров – множество.

Я далек от мысли сравнивать Камала с мировыми классиками, но попытки следовать их примеру заслуживают всяческой похвалы.

Не знаю, долго ли работал Камал над вышеприведенным началом как повести, так и рассказа, или написал их с ходу, но тексты, как видим, ему удались.

Когда читаю о том, как в «**теплый осенний день… из окрестных лесов ветерок приносит аромат диких груш, преющей на земле листвы**», как у девушки «**сдержанная улыбка пробежала по лицу и тут же исчезла, будто светлая капля, упавшая с ветки**», как «**в голубой спортивной форме, в серой косынке через плечо, переливающейся на солнце, Асият походила на голубку и было такое ощущение, что она вот-вот взлетит над аулом**», повторяюсь, когда читаю такое, мне тоже чудится, что вместе с Камалом

взлетаю в космос, но всеми фибрами души остаюсь неразрывно связанным с многострадальной землей, на которой так много неизведанных тайн, огорчений и радостей, и без которой теряется всякий смысл существования. Это единство земного и космического, материального и духовного, тела и души может чувствовать не каждый, а передать его словами так, чтобы это почувствовал и другой, может только талантливый художник.

Перейдем к отдельным фразам, в которых мы видим автора как национального живописца, всеми корнями ушедшего в культуру и быт своего народа.

«В аэропорту они встали у багажной стойки. По конвейеру, **как утка по сельской канаве, плыл желтый чемодан Патимат».**

«Волосы Раисы имеют приглушенный блеск, **словно высохший после дождя пшеничный сноп».**

«После телефонного разговора с Султаном она **поникла, была разбита морально, словно фруктовый сад после града».**

«Мысль Патимат растекалась, как воды арыка на посевы, – в разные стороны».

«Если даже Султан **был своенравным арыком,** то Зулай **являлась умелым поливальщиком, который, может, и не сразу, не резко, но все равно направит воду туда, куда считает нужным».**

Скажите на милость, разве человеку, родившемуся в городе и живущему в нем в наш цивилизованный век, доступны такие детали аульского быта, как чемодан, плывущий по конвейеру, словно утка по сельской канаве, или – волосы, цвет которых приглушен, словно у пшеничного снопа, высохшего после дождя?

Почему я таким мелочам придаю большое значение? Потому, во-первых, что все большое возникает из малого. Во-вторых, содержание и качество большого зависит от содержания и качества его составных частей.

Во многих произведениях наших дагестанских писателей, как прозаиков, так и поэтов, нет этих колоритных подробностей, деталей, этого национального духа, без которого автор становится как бы безличным.

Такими же скупыми словами, неприметными штрихами, всего одной фразой Камал создает впечатляющий портрет действующего лица: «**В это время из темноты появился мельник – мужчина с седой бородой, в очках, одно ушко которых веревочное, с войлочной самодельной тюбетейкой на голове».**

Казалось бы, что в этом особенного, но перед нами встает живой портрет незнакомого человека, который запоминается с первых же слов. И в этом я вижу поэзию прозы.

Приведу пару пространных примеров, характеризующих манеру письма писателя, его стиль и стилистику.

Вот отрывок из повести «Луна во сне»: **«По вечерам обычно семью объединял телевизор. Тут тоже был четкий порядок. Посредине большой комнаты, так называемой залы, громоздилось старое кресло, прочно закрепленное за Мурза-амаем. Никто и никогда не имел права сдвигать его с места. Так и ходили, обходя его, словно большой камень на дороге.**

Мурза-амай сидит, погрузившись в свой старый драндулет, сзади даже головы не видно, а по бокам видны руки на подлокотниках и чувяки на ногах… Под правую руку, чуть позади отца, на стуле восседал Султан, а тетя Барият сидела слева, на полу, подложив под себя круглую подушку из лоскутков старого сумаха, Патимат же стояла позади всех, прислонившись к стене. Не пристало ведь рассесться невестке при родителях мужа!

Патимат часто задумывалась над тем, на что похож этот семейный портрет. И вот сейчас, лежа в постели, нашла сравнение: это медленно ползущие полозья и погонщик – Мурза-амай. Вот так и ползет жизнь наша – медленно, размеренно.

Кресло Мурза-амая освобождалось ровно в двадцать два ноль-ноль – это установленное, строго соблюдаемое время отхода его ко сну…»

Чувствуете, каким национальным колоритом пронизан отрывок, как много подробностей и деталей аульского быта, где все подчинено строгому порядку, соблюдаемому старшими и младшими из поколения в поколение.

Нынешнему читателю может показаться забавным, что автор говорит о старом кресле, закрепленном за Мурза-амаем: «Никто и никогда не имел права сдвигать его с места. Так и ходили, обходя его, словно большой камень на дороге», или: «Кресло Мурза-амая освобождалось ровно в двадцать два ноль-ноль – это установленное, строго соблюдаемое время отхода его ко сну…».

Но во всем этом нет никакой игры, никакой показухи, а есть то уважение к старшему и ко всему тому, что с ним связано, которое воспитывалось в младших великими обычаями и традициями отцов, которыми сейчас мы, к большому стыду, непростительно легко пренебрегаем.

Или возьмем другой отрывок из повести «По дороге на старую мельницу»: «**В тот день Хайрулла впервые заметил, что и животные, подобно людям, могут поддаться торжеству, общему ликованию. Как-то сноровисто, дружно шли в то утро волы, кони обгоняли друг друга и из-под их копыт взмывали белые с черными пятнами земли хлопья затвердевшего за ночь снега и яркими лучами блестели на солнце.**

Колонна удивляла многоцветьем – люди надели все, чем были богаты. На арбах бурливым потоком через невысокий лес текла река красных, желтых, траурно-черных, белых платков, серых, коричневых папах, военных ушанок, овчинных шуб и фронтовых шинелей.

Это действительно было рекой – лед военного лихолетья, зажавший, сковавший народную радость на многие годы, наконец-то раскололся, растаял…».

Автор описывает послевоенное время, когда люди свободно вздохнули, но жили так бедно и тяжело, что едва сводили концы с концами. Но ни война, ни тяготы жизни не сделали людей отчужденными, черствыми, эгоистичными. Люди не только стали ближе друг к другу, но и к природе.

Как верно подметил автор, и животные, подобно людям, поддались общему ликованию, и невысокий лес весело пропускал через себя поток людей, и люди текли рекой к месту торжества

Какое единение человека, природы, животного мира!

А куда ныне делось это единство?

Казалось бы, жизнь с тех пор изменилась неузнаваемо: люди стали лучше жить, одеваться, лучше питаться, приобретать машины, дачи, самолеты… А значит – люди и должны были стать добрее, великодушнее, порядочнее, гуманнее и порядочнее.

Но стали ли?

Почему происходит такая метаморфоза с современным человеком, когда он чувству чести и человеческого достоинства предпочитает высокий чин и угодничание перед еще более высоким чином, чувству бескорыстной дружбы и преданности нравственным идеалам – лицемерие и стремление к богатству и роскоши?

Вместе с добродетельными чертами характера лицемерие и зависть, подлость и предательство во все времена были присущи человеку. Но такого всеобъемлющего и непредотвратимого размаха, как сейчас, раньше они не получали.

Тем большее значение приобретают повести и рассказы Камала Абукова, для героев которых моральные ценности превыше всего.

Всем этим я вовсе не хочу сказать, что Камал Абуков – живой классик, что все, написанное им – образец для подражания, пример высокого художественного мастерства. К сожаленью, Камал не избежал нашей общей беды пишущих: первые две-три страницы рассказа ли, повести ли или романа выписаны с любовью, с мастерством, впечатляющими подробностями, а далее – скоропись чередуется с добротно исполненными страницами. Теряется ощущение цельности и полнокровности произведения. Камал не избежал этого и в самой зрелой в художественном отношении из его произведений повести «Луна во сне». Останавливаться на примерах не вижу надобности хотя бы и потому, что на болезнь я указал, а лечить ее придется автору, который, в отличие от многих моих коллег, относится к себе всегда самокритично.

Надеюсь, примеры, к которым я привлек внимание читателя, убедят его в том, что Камал Абуков – мастер художественного слова, потенциальные возможности которого не имеют предела.

Лариса ШАРИПОВА

Сбежавшее лето

ЛИСТЬЯ

Сбежало лето с нашего двора.
Бегут куда-то дяденьки и тети.
А листья, пожелтевшие вчера,
Сегодня в восхитительном полете.

Они еще в зародыше, весной,
«Ура!» кричали, радовались очень
Тому, что их копилки с желтизной,
Как яйца, разобьет когда-то осень…

Оранжевый-оранжевый салют.
И листья-звезды падают на лужи.
Ложатся ровно, скромно там и тут.
А в окнах –
теплый золотистый ужин.

А во дворе прохладно и бардак.
И листья собрались
в огромный ворох.
Мечта сбылась. Но что-то им не так.
Кричат «Увы!»,
а людям слышен шорох.

Кричат «За что?»,
а по затылку – дрожь.
И с неба сходит модный цвет индиго.
Одно я знаю, листик, – доживешь
Ты до весны в одной хорошей книге.

Те, кто живет НЕ ТАК

Мы – точки-зерна на ладони,
А город – дым-кулак.
А город – здания в загоне.
Бетонные пасутся кони
И нюхают табак.

Толпятся праздность и работа.
Зеваки. Суета.
Одни едят. Злословит кто-то.
Кого-то мучает икота.
Кому-то думать неохота.
А кто-то спит до ста.

Случается (и это важно),
Сквозь пальцы в дым-кулак,
В бетон внедряются отважно
Те, кто живет НЕ ТАК.

Их дух в покорной оболочке
Расширенно растет.
Да так – что лопаются почки
И весь асфальт плывет.

Искрится ток… Но не мутанты,
А просто высший класс.
Они – духовные гиганты,
Сильнейшие из нас…

ЗОЖ

Я протестую
против лифтового гнета.
Шагаю гордо
на макушечный этаж.
И замечаю, удивляется мне кто-то.
Пусть. Ведь полезный
для здоровья эпатаж!

Иду. Гляжу на пыльные ступени
И на сверкающую бронь дверей.
Кривляются изломанные тени.
А пульс мой все тревожней
и быстрей.

Мяукнула бумажная коробка,
Похожая на детскую кровать.
Я подхожу, заглядываю робко –
Котята! Раз, два, три, четыре, пять…

На следующий день
я снова ПРОТИВ.
И пешим ходом
на макушечный этаж.
И удивляются соседки-толстотети,
Что лестницу беру на абордаж…

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Весенняя чуть видимая почка,
Нежная, как шубка у шмеля,
Проклюнулась в мизинце февраля.
А он все лечится
холодною примочкой.

До головокруженья снегом дует,
Бинтуется, клубится и пыхтит.
А город пробками
по горлышко набит.
А в городе февраль себя бинтует...

НАШ ПЛЯЖ, МОРЕ И ВЕТЕР

Ну вот, разжались кулачища города.
Я каблуком ныряю в наш песок.
Пойдем со мною, ветер-ветерок.

Гляди,
как мусором заваленное золото
Скукожилось и робко посерело…
Куда ты, ветер? Я же не хотела.
Ты сразу плакать… Разве это дело?

А море расплодилось волнами
Как виноград огромный,
лучеядный.
И ты, безмолвный и прохладный,
Лежишь на нем ничком.

Кусаешь синюю бегущую лозу
Губами дующими, полными.
И на щеке живучую слезу
Все давишь кулаком.

Шанс

Эльмира БИТАЕВА

Ночь была темная, как никогда.

Я бежала, плача, путаясь в платье… Пахло морем, бил прибрежный ветер и песок упрямо лип к мокрому лицу.

Меня окружала чернота и пустота. Я слышала шум волн где-то впереди, но громче в висках стучали слова: «Да кому ты нужна? Иди куда хочешь, хоть утопись!».

От рыданий у меня уже хрипело внутри. Порывисто дыша, я продолжала бежать, даже когда почувствовала под ногами холодную воду.

Волна… следующая… В ушах зашумело, кашляя я вынырнула и стала отчаянно грести. Постепенно волны остались позади, перестало ощущаться каменистое дно.

… Эта ночь должна была оказаться последней в моей жизни.

«…утопись… утопись… утопись…»

От слез я не различала ничего вокруг. Мне никогда не было так страшно, но плыть назад я не собиралась.

«…утопись… утопись…»

Постепенно плечи отяжелели и руки перестали подчиняться. Истошно выдыхая, я остановилась, и вода сомкнулась над моей головой. Я плавно опускалась ниже, ниже, ниже…

Страх оставил меня. И словно черные, холодные руки схватили за талию и потянули вниз, к самому дну, где должна была оборваться моя короткая жизнь.

Воздух кончился. Я обхватила лицо руками и стиснула зубы. Держалась изо всех сил, но вдруг мне стало так плохо, что, больше не контролируя себя, я выплыла обратно, к спасительному воздуху. «Руки» на талии ослабли и, наглотавшись горькой воды, я снова оказалась на поверхности.

Меня окружало бескрайнее море. Море, которое я всегда любила… которое принимало меня в самые тяжелые минуты… Я больше не плакала, а только озиралась по сторонам, как сумасшедшая, с одной лишь мыслью: «Почему я так поступаю?!»

Внезапная злость охватила меня. Нет, это не могло быть правдой. Я не могла решиться на подобное из-за глупой ссоры с ничего не стоящим человеком. Не могла, не могла, не могла…

Было сложно держаться на воде. Несколько раз я устало «проваливалась», но тут же ожесточенно выворачивалась и выплывала.

«Ненавижу – презрительно думала я, – ненавижу тебя за это».

Но в душе понимала, что виноват был не он, не его слова, а именно я. Виновата за то, что убежала, расплакавшись. За то, что не ответила ему: «Топись сам!». За все, за все была моя вина. И моя глупость.

Я знала, что отплыла достаточно далеко, что не разберу, в какой стороне берег. Я не хотела умирать, не хотела, чтоб мой труп нашли через несколько дней где-нибудь в Каспийске, как находили трупы других потонувших. Теперь отчетливо понимала, что моя смерть ничего ему не докажет, и абсолютно не изменит. Но было поздно.

Неожиданно, я различила что-то темное и высокое впереди. Слабая надежда придала мне сил; приближаясь, я стала присматриваться к глыбам, похожим на скалы. Это был маленький остров, заваленный камнями.

Стоило слизким водорослям коснуться моих ступней, как я завизжала и отпрянула. Совсем рядом блеснули чьи-то глаза и, издав странный звук, с плеском исчезли в воде.

Дрожа всем телом я выбралась и припала к камням. Меня трясло от страха и холода. Я притянула колени к груди и не мигая уставилась перед собой. В море показалась и исчезла блестящая спинка.

«Всего лишь тюлень, – успокаивала я себя, – он больше не появится».

Странное фырканье повторилось. Я в ужасе обнаружила с десяток таких глаз вокруг себя и с криком вскочила. Животные встрепенулись, поспешили скрыться и меня окатило беспорядочными брызгами.

Небо было непроглядным, безлунным. С волос падали крупные капли и, смешавшись со слезами, стекали дальше, по шее и плечам. Мокрое, ледяное платье облепило ноги, а ветер со злостью продолжал его обдувать. Сжавшись, я сбивчиво шептала слова молитвы. Я просила Аллаха спасти меня или же забрать мою душу прямо сейчас, в эту же секунду. Но Аллах словно не слышал меня, и я продолжала лежать на кривых камнях, одна, в этой мертвой тишине…

… Сложно сказать, что произошло дальше. Казалось, я уснула, однако временами мне удавалось приоткрыть глаза и безнадежно закрыть их вновь. Так продолжалось долго, пока я не уловила слабый свет сквозь сомкнутые веки.

Это был мираж или нет… По морю плыла лодка – маленькая, с низкими краями. А внутри сидела женщина с такими длинными волосами, что концы касались воды. Я ясно видела эти плывущие, как поплавки, пряди. Она смотрела куда-то вдаль и держала в руке лампу.

В страхе, так и остаться незамеченной, я медленно приподнялась. Мышцы свело незнакомой мне болью, и все собранное тепло вмиг улетучилось. Я ощутила себя такой жалкой и беззащитной, что захотелось снова свернуться и зажмуриться. Женщина повернула голову и заметила меня.

– Помогите, – сказала я одними губами.

Лодка остановилась у самого островка. Свет упал на камни, и я брезгливо различила длинный рыбий хребет с высохшей, полурастерзанной головой.

– Довезите меня до берега, пожалуйста…

Она улыбнулась и протянула руку. Глаза у нее были узкие-узкие, обрамленные темными, густыми ресницами, а губы имели природный темно-вишневый цвет.

Одной рукой я ухватилась за ее пальцы, другой – за деревянный край лодки, и оказалась внутри. Дно чуть опустилось, но лодка по-прежнему держалась на плаву.

Женщина встала, достала весла и оттолкнулась. Затем села и неспешно загребла. Волны мерно качали нас из стороны в сторону.

– Вы… рыбачите… так поздно?.. – тихо спросила я, глядя на сложенные сети. – Мое счастье… что проплывали… близко… иначе…

Свет лампы погас. Я замолкла и подняла на нее глаза.

… Море пело и невозможно было этого не услышать…

– Иначе… неизвестно, что бы со мной случилось.

Лодка медленно несла нас; вдруг вдалеке показались огоньки корабля.

– Бедный моряк,
Так любит море,
И одинок,
Как горизонт…

– задумчиво напела я, смотря на огоньки. – Мой папа работал на корабле. Когда он уходил в плаванье, мы с мамой приходили на берег и долго-долго смотрели на воду… Если на горизонте появлялся корабль, я радостно обнимала маму и спрашивала: «Это папа? Это папа?». И тут слышалось далекое, протяжное гудение

и больше не оставалось сомнений, что именно он подает нам сигнал.

Женщина смотрела на меня. Я печально улыбнулась и облокотилась на скрипящий борт.

– Еще помню кольцо… Такое тонкое, без камней. Я держала маму за руку и спрашивала, почему у других так много украшений, а у нее – одно. А она улыбалась и называла своими главными украшениями нас с папой. Тогда я не понимала… Обещала, что вырасту и куплю маме столько золота… будут у нее и серьги, и кулоны. И много-много разных колец… Топазовый браслет – первое, что я купила. И променяла, на ремонт машины, которую он одолжил у друга и разбил по пьяни…

Вскоре пропал из виду и красный огонек корабля.

– Какой бред, – прошептала я, почти плача. – Что я наделала?! Как стыдно это говорить… Но я никого не слушала… Нашла человека без сердца и вверила ему свою судьбу…

Мне вспомнился сегодняшний разговор, все детали, каждое слово.

– Я и сама знала, что ничем хорошим это не закончится… во всяком случае для меня. Нервы, слезы, нервы, слезы… Учебу забросила, мечту о красном дипломе… До сих пор поражаюсь, как может один человек так забить голову?! Но никогда не поздно начать все сначала, правда ведь?

Женщина сочувственно слушала и в ее глазах было столько жалости, что мне стало стыдно за свое откровение. Море попрежнему пело о чем-то своем и нежно убаюкивало мое разгорячившееся сознание.

– Всегда думала, что ночное море – ужасно. А теперь впервые вижу, какое оно прекрасное…

Весла с легким шелестом прорезали гладь. Женщина смотрела то в темноту, то на меня и с ее губ не сходила милая, теплая улыбка. Ветер обходил нашу лодку стороной, будто прочуяв, что мне больше нечего бояться. Было хорошо, как в бархатный, летний вечер.

Я поудобнее примостилась к краю и прикрыла глаза.

– Спасибо тебе… за подаренный шанс. Там, на берегу, все изменится. Я знаю. Я верю в это…

Кто-то легко коснулся моего плеча. Я даже вспомнила детство, когда меня будили в школу. Но здесь надо мной был не потолок, а чистое, голубое небо.

– С тобой все нормально?

– Да… – ответила я голосу.

– Тогда, может, встанешь?

Песок. Я подскочила, стала отряхивать грязное платье. Возле меня на корточках сидел незнакомый человек в яркой футболке и шортах. В нескольких метрах прибывали и вспенивались волны.

– А давно… я тут лежу?

– Не знаю. Как увидел, бегом сюда. Думал, неживая. Я работаю спасателем, – пояснил он.

Я опешила:

– Не видели, со мной была женщина на лодке? Она подобрала меня ночью, а потом… пропала куда-то.

Парень помолчал, затем неожиданно заинтересовался:

– А как она выглядела?

Я описала и ее, и все, что запомнила из нашей встречи.

Наступила продолжительная пауза.

– Не знаю, поверишь ли… – сказал он серьезно, – несколько месяцев назад молодая пара из пригорода взяла у меня лодку. Они отплыли в ночь и пропали. Мужчину подобрали через несколько дней, а женщину – нет. Родные ищут ее тело до сих пор.

Затаив дыхание, я обернулась к морю. Вдалеке волны сливались в темные полосы, напоминающие длинные пряди знакомых волос.

– В двух шагах расположено наше бунгало. – Парень придал голосу живость, разгоняя накалившуюся тревогу. – Это такая старая хибара, где можно переодеться и поесть.

– Нет, мне бы просто…

– Пойдем. Попросим у девушек, что бы тебе надеть. Когда я уходил, как раз готовили завтрак.

Я задумчиво отвела глаза от горизонта и вдруг поймала на себе его взгляд.

– Гостей здесь встретишь не часто, – улыбнулся он. – Кстати, меня зовут…

АВТОРЫ НОМЕРА

Андрей МЕЛАМЕДОВ
с. 4

Шигабудин АЛИХМАЕВ
с. 8

Гази ГАСАЙНИЕВ
с. 10

Джамалудин ДЖАМБУЛАЕВ
с. 12

Эдуард ЭМИРОВ
с. 15, 32

Влада БЕСАРАБ
с. 18, 46

Наида ХАСПУЛАТОВА
с. 22

Магомед АБДУЛХАБИРОВ
с. 25, 39

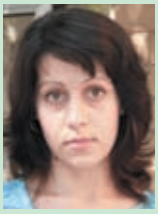
Сабина ИСРАПИЛОВА
с. 28

Альбина СУНКУЛИЕВА
с. 40

Казбек МИКАИЛОВ
с. 42

Заур ЗУГУМОВ
с. 49

МАГОМЕД-РАСУЛ
с. 52



Лариса ШАРИПОВА
с. 56

Камиль ЧУТУЕВ
фото, с. 30-31

Евгений КОСТИН
фото, с. 37, 46-48

ДАГЕСТАН

№11 (86) ноябрь 2012 г.

Выходит с августа 2002 года.
Периодичность – 12 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ
Комитет
по печати и массовым коммуникациям РД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Далгат АХМЕДХАНОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:
Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала «Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
13500000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года. Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.
ОГРН 1020502629927

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии.
Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1500 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс на год – 63280, на полугодие – 78434.

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 40 руб., у общественных распространителей – свободная.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала. Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.
При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Идет подписка на журнал «Дагестан» на 2012 год. Жители республики могут оформить ее в любом почтовом отделении. Стоимость подписки на год – 508 руб. 68 коп., на полгода – 254 руб. 34 коп.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ, ЖИВУЩИХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ НАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Подписку на журнал «Дагестан», поскольку он не включен в общероссийский каталог, можно оформить непосредственно в редакции журнала. Для этого следует перечислить деньги в адрес редакции через сбербанк (сберкассу). Для чего мы сообщаем Вам реквизиты редакции. Стоимость подписки на год – 840 руб., на полгода – 420 руб. (в эту сумму входят стоимость журнала и почтовые расходы).

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала «Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Наименование получателя платежа

ИНН 0562053040 КПП 057201001
ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Наименование банка получателя платежа

р/с 40601810100001000001 БИК 048209001
подписка на журнал (13500000000000000130, л/с 20036Ш60490)
ФИО, индекс, адрес почтовый, куда отправлять журнал
Наименование платежа

Сумма: 840 руб. на год (12 номеров)
420 руб. на полугодие (6 номеров)

Достаточно предъявить эти сведения, помещенные в рамку, банковскому служащему, оплатить подписку и заполнить графу со своим ФИО, точным почтовым адресом – и Вы получите квитанцию об оплате, и редакция будет ежемесячно высылать Вам экземпляр журнала.

III межрегиональная с международным участием специализированная выставка

Мебель–2012

6-8 декабря

ТВК «Апельсин», пр. Насрутдинова

Мебель *Интерьер* *Дизайн*

Уважаемые дамы и господа, бизнесмены!

ПРИГЛАШАЕМ ВАС ДОСТОЙНО ЗАЯВИТЬ О СЕБЕ И СВОЕМ БИЗНЕСЕ, ПРИНЯВ УЧАСТИЕ В ВЫСТАВКЕ

тел./факс: (8722) 56-51-66, 62-90-35, 62-89-04

Моб.: 8-906-482-17-60, 8-903-423-23-93

e-mail: dagexpo2008@yandex.ru

сайт: www.dagexpo.ru